

СВЕТ СТОЛИЦЫ

литературно-
художественный
журнал

01 / 2023

2023

УДК 882
ББК 84(2Рос)

Учредитель:
ООО "ИПО "У Никитских ворот"

Издатель:
АНО "Редакция альманаха "Академия поэзии"

*Журнал издаётся при информационной
поддержке "Литературной газеты"*

Главный редактор:
Максим Замшев

Шеф-редактор:
Анна Баранова

Корректор:
Анна Соломатина

Дизайн-макет:
Андрей Дирижаблев

Компьютерная вёрстка,
оформление обложки:
Алина Симонова

Адрес редакции:
121069, Москва, ул. Большая
Никитская, 50а/5, стр. 1, оф. 40.
Тел.: +7 (495) 690-67-19
info@acpoetry.ru

Тираж 1000 экз.

© Академия поэзии, 2023
© Издательство «У Никитских ворот», 2023
© Коллектив авторов, 2023

ISBN 978-5-00170-753-0

9 785001 707530 >

ТЕМА НОМЕРА:

«85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКТЕРА, ПОЭТА,
МУЗЫКАНТА В.С. ВЫСОЦКОГО»

1

ПОЭЗИЯ

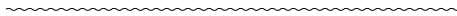
ВИЛЕН ИВАНОВ

Мы и Запад

Скажу без всякого притворства,
Во всём заметно и везде:
От иллюзорного партнёрства
Мы к явной перешли вражде.

* * *

О США есть основания сказать:
Надёжно чувствуя себя за океаном,
Используя шантаж, не брезгуя обманом,
Пусть это не покажется вам странным,
От войн привыкли прибыль получать.
И стало очевидно ныне –
США выгодна война на Украине.

Иванов Вилен Николаевич — советник РАН, член-корр. РАН, д. ф. н., профессор, член Союза писателей России. Автор более 500 научных и литературных публикаций (книг, брошюр, статей, сборников стихов). Имеет государственные и общественные награды. Лауреат научных и литературных премий. Почётный член Российского общества социологов (РОС). Почётный доктор наук Института социологии РАН. Почётный член Военно-научного общества при Центральном доме Российской Армии им. М.В. Фрунзе. Полковник в отставке.

* * *

Мы выиграть должны войну
Для будущего и во имя павших,
Объединив усилья наши,
Донбасс спасти и возродить страну.

* * *

Антисоветчикам, которых ныне рать,
Хочу без дипломатии сказать:
Впадая в раж разоблачительства,
Бездумного нравоучительства,
Пристойность нужно соблюдать.

* * *

Всегда была в единстве наша сила,
Пришла пора его восстановить.

* * *

Комфорт – а может, цель другая
Сегодня в нашей жизни есть?

* * *

Сегодня многое нам видится иначе,
Другой история являет миру фон,
Осмыслить сущее – такая есть задача,
И примириться с прошлым – есть резон.

* * *

Эпохе полумер и компромиссов
Бесславный приближается конец.

* * *

История умеет убеждать
И нам напоминает властно,
Настойчиво и ежечасно:
Чтоб выжить – надо побеждать!

* * *

Что происходит ныне с нами,
Чем озабочены и чем возмущены?
Отвечу так: похожи мы
На крепость, осаждённую врагами.

* * *

И ныне пробуют Россию растащить,
Как раньше Западу с Союзом удавалось,
Другого ничего нам не осталось,
Как этого любой ценой не допустить!

* * *

История нам говорит о том,
Что ситуация смениться может быстро.

АНАТОЛИЙ КОРОТКОВ

Моё поколение

Нам досталось по наследству –
Горемыками быть с детства.
От репрессий – лишь угрозы,
От войны – сплошные слёзы.

В лагерях родных сгубили,
Остальных в войне убили.
Так что с ранних детских лет
Испытали много бед.

Коротков Анатолий Николаевич — член МГО СП России. Родился в селе Здвинск Новосибирской области 13 октября 1933 года. После окончания военного училища 26 лет отдал службе в рядах Советской армии. Уволился по болезни.

Окончил педагогический институт, математический факультет. Стихи начал писать после завершения трудовой деятельности и выхода на пенсию. Первые публикации — в журнале «Смена» (2002 г.).

Издal несколько сборников стихов и рассказов, а также книгу воспоминаний «Через две эпохи». Соавтор многих сборников, издаваемых МГО СП России и НП «Литературная республика».

Отмечен наградами Союза писателей России: дипломом «За верность русскому слову» с вручением медали «60 лет МГО Союза писателей России», дипломом литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С.А. Есенина с вручением одноимённого ордена; медалью «Родина-мать зовёт» — в честь 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Рано начали трудиться,
Время не было учиться,
Зато школы ФЗО
Нам открыли в мир окно.
Там работать научили,
Уваженье получили,
Одевали, обували
И стипендию давали.
Нёс завод за всё ответ,
Жаль, что ныне таких нет.

Все мы рано повзрослели,
С детских лет были при деле.
Хоть и трудно нам жилось,
Зато многое далось.

Пожелать хочу я внукам
Интерес иметь к наукам,
Труд любить во имя жизни
И величия Отчизны!

Спецоперация

Замело округу снегом,
И тропинок не видать.
Цвет земли смешался с небом,
Вызвав всюду благодать.

Всё затихло, словно в сказке,
Даже скрипы от шагов.
Раздвигают снег салазки
Одиноких ходоков.

Хочется вздохнуть поглубже,
Погоулять между берёз,
Отступила пока стужа,
И красиво всё до слёз.

Вдруг дремавшее сознание
Разорвало тишину,
Вой ракет и взрывы зданий –
Всё напомнило войну.

Брызги, грязь, земля со снегом,
Пятна алые вокруг,
Смерть летит на землю с неба
Неожиданно и вдруг.

Погибают наши люди
На своей родной земле.
Этого мы не забудем –
Скорбь потерь большей вдвойне.

Нам пора объединиться,
Дать противнику отпор,
Чтобы после не стыдиться,
Что терпели до сих пор.

Свет Вселенной

Галактический свет излучая,
Звёзды шлют из Вселенной привет,
И мерцанием всех извещают,
Что могучей другой такой нет.

Звёздный купол навис над Землёю,
Словно атлас бескрайних небес,
Как картину раскрыл пред собою
Наяву и без всяких чудес.

Свет на Землю проходит порою
Миллионы и более лет,
Может быть, управляют судьбою
Те, в миру о ком сведений нет.

И, наверное, есть у кого-то
Путь короче – туда и назад,
Он последнее слово заботы,
Если нужно, то может сказать.

Это слово подскажет, поможет,
Как себя в этой жизни вести,
Православную Веру умножить,
Укрепить и достойно нести.

И ещё, нужно жить по Заветам,
Что оставил землянам Христос.
Звёзд мерцанье откроет секреты,
Чтоб познать нам Любовь удалось.

Пусть Любовью согретые души
Укрепляют родные сердца,
Все печали и скорби разрушат,
Благодать сохранят до конца.

Приазовье

– В период полного душевного комфорта,
Когда душа и тело заодно,
Пишу письмо вам с южного курорта,
Здесь очень сыро, но зато тепло.

Тут волны моря, падая на сушу,
Роняют брызги прямо у крыльца.
Прибоя шум ласкает очень душу,
И мыслям нет ни края, ни конца.

На склонах гор желтеют мандарины
И зелень чая топчет мирно скот,
Но мне милее степи Украины,
Где я живу уже который год.

Там есть друзья, товарищи по службе,
Родня жены, у моря города –
Курорты местные, других никак не хуже,
Всегда Российской Таврия была. –

Это письмо писал я в прошлом веке
В Сибирь, племянницам, в родимое село,
Совсем не думая, что нам на этом свете
Менять придётся жизнь и ремесло.

Сначала развалилось государство,
Затем возник всем непонятный строй,
Республики себя определили в царства,
Но лишь вещать могли «за упокой».

Азовский берег, близкий мне по духу,
Уже и за границей побывал,
Потом набрался сил, стал побеждать разруху
И заново родным, российским стал.

Сегодня там борьба с бандитской сворой,
Любой ценой нацизм мы победим!
Надежда есть, что мир наступит скоро,
И от врагов Донбасс освободим!

Вновь расцветут курорты Приазовья,
И встретит ласково азовская волна.
Стремлюсь поехать к Дубу в Лукоморье,
Чтоб сказки Пушкина почувствовать сполна.

Покаяние

Я разведу беду руками,
Тебя я грудью защищу.
Любой с пути отброшу камень,
С тобою рядом быть хочу.

Но обещания напрасны,
Тебя не смог я уберечь,
Ушла ты раньше в мир негласный,
Откуда не доходит речь.

Сейчас я с болью вспоминаю
Свои проделки и грехи,
Совсем не думая, не зная,
Кому и чем они плохи.

Всё это в целом отразилось
На самочувствии твоём,
Но мною ты всегда гордилась,
Что мирно, счастливо живём.

Мы шестьдесят четыре года
В любви прожили, словно миг,
Нас вдохновляла вся природа,
Но ты ушла – мир сразу сник.

Теперь живу в борьбе со скорбью,
Её не просто победить,
Она терзает душу болью,
Пора грехи все отмолить.

И лишь тогда, вполне возможно,
Двери златые отворю,
И кротко, тихо, осторожно
Мы повстречаемся в Раю.

Иного пути нет

Сыны Отчизны, в боевом строю
На вас возложена ответственность большая –
Очистить от нацизма Родину свою,
Борьбу победой завершая.

Нам предстоит жестокая борьба,
Где лишь один исход – победа,
Должны с фашизмом мы покончить навсегда,
Чтоб обезвредить злобного соседа.

Наша страна, как в горле кость,
Мешает грабить англосаксам,
Слезами с кровью пропитавшимся насквозь
От убиенных при захвате власти.

Сегодня верховодит «звёздный флаг»,
Своей валютой мир порабощая.
Америка зажала всех в кулак,
Движений собственных совсем не разрешая.

С Россией запретила торговать,
Страной-агрессором для мира объявила,
Спешит нацизм на Украине развивать,
Свои порядки там установила.

У НАТО в планах – русских истребить,
Войной, болезнями иль мором уничтожить.
Об этом прямо стали говорить,
Стремясь фашистов армию умножить.

Для нас сегодня путь один –
В любви к Отчизне всем объединиться.
Тогда нацистам по заслугам воздадим
И к мирной жизни дружно возвратимся!

Автостоянка

Все авто очистились от снега
И готовы в рейсы выезжать,
Доверяя разным оберегам,
Чтобы происшествий избежать.

Только нет в рядах моей машины,
В гараже, родимая, стоит,
В летние пока обута шины,
А зима в них ездить не велит.
Сам я тоже что-то не в порядке.
Зрение подводит и плечо,
Повредил, окучивая грядки,
Кроме этого, по мелочам ещё...
Видно, время мне пришло расстаться
Со своим серебряным конём,
И пешком на огород таскаться,
Если сил работать хватит в нём.
День за днём стареет понемногу
С возрастом изношенная плоть,
Выбирая для себя дорогу
К цели, что наметил мне Господь.
Этой цели я стремлюсь достигнуть,
А пока на мир гляжу в окно,
Там автостоянка, и мне видно
О делах её подробно, как в кино.
Вижу, кто и с кем куда поехал
Или возвращается когда.
Иногда внимаю всё со смехом
Или с грустью, если вдруг беда.
Самому мне хочется всё делать,
Не в мечтах, реально и всегда,
Но осталось только лишь поведать
О делах автостоянки иногда.

ВЛАДИМИР МИРКИН

Черноморская волна

Отдыхать люблю у моря,
Там, где синие ветра.
Там, где воздух Черноморья
Омывает берега.
Отдыхать люблю, где пересыпь,
А вокруг вода, вода...
И несёт с собой морскую зыбь
Черноморская волна.

Здравствуй, берег, здравствуй, ласковый,
Здравствуй, тёплая волна,
Ты зовёшь меня с собою вдаль
За крутые берега.
Ах, волна, волна залётная,
Черноморская волна,
Унеси меня за край земли
И за синие моря.

Миркин Владимир Иванович — член Союза литераторов России, автор книг «Похождения Миколы из Горопашни», «Осторожно, сало», «Опыты профессора Иванова», «Исповедь бывших толстушек» и др.

И жалею только лишь о том

Здесь я был, когда цвела весна
В белом мае розой у окошка,
Мне твои глаза сказали «да»,
Но они лукавили немножко.

Помню этот дом и этот свет,
Что горел в окне огнём надежды,
Я так жадно ждал судьбы ответ,
И казался мир таким безбрежным.

Разошлись, как в море корабли,
Разошлись пути наши, дороги,
Лишь успел сказать тебе «прости»
В тот последний вечер у порога...

Не зови, не бери печаль,
Не вернуть того, что было прежде,
И как раньше, тянет меня вдаль,
Словно свет пропащего к надежде.

И жалею только лишь о том,
Что не буду жить в краю прибрежном.
Не вернусь, как раньше, в этот дом
И с тобой не буду больше нежным.

И напрасно расцвела весна,
И напрасно с моря ветер дует.
Я уехал в дальние края,
Ну а сердце пусть себе тоскует.

Иду я по дороге

Иду я по дороге,
Всё замерло кругом,
Лишь вдалеке стрекочет
Кузнечик за прудом.
Вдруг пронесётся ветер
И зашумит трава,
И кто-то из-под нивы
Промолвит: «Спать пора».

Я сяду у дороги,
Где расцветёт ковыль,
И грусть, тоска, тревоги
Исчезнут, словно быль.
А воздух так прозрачен,
И так далёк простор,
Что даже дух захватит
И радуется взор.

Вот вижу я за полем
Знакомый поворот,
А впереди до боли
Родимый огород.
Судьба, будь благосклонна,
Люблю я этот край.
Дай умереть на воле
И денег не давай.

ВАСИЛИЙ МУРЗИН

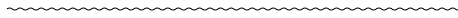
В стихотворениях Мурзина много природы, но их нельзя назвать пейзажными, это не абсолютная лирика – скорее, лирика социальная, а может быть, и экзистенциальная.

Роман Сенчин, писатель

Цикл «Времена года»

Март

Экстравертация сказки: жили-были,
В марте, в тридевятом ели-пили.

Мурзин Василий Сергеевич — поэт. Родился 3 октября 1982 года в Москве. Постоянный автор «Литературной газеты». Победитель конкурсов Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР) «Поэт XXI века» (премия им. Б.Л. Пастернака – 2022 за книгу «Остров»), альманаха «Литературная Республика 2022», «Стул № 13» (премия им. И. Ильфа и Е. Петрова в номинации «Поэзия»). Удостоен награды МГО СПР: ордена «За вклад в литературу XXI века». Автор книг «Обнуление», «Остров», коллективных сборников постоянных авторов «Литературной газеты» «15», «Приглашение в мастерскую», «Тайна вдохновения», «Вероятность счастья», «Роман Сенчин представляет», многих коллективных сборников МГО СПР, в том числе энциклопедии «Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», «Литературные известия», в журналах «Москва», «Вторник», «Москва литературная», «Свет столицы». Номинант премии VII Международного конкурса имени Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков (2019).

В марте мир весь новый или –
Пей и ешь, пока тебя
Не обнулили.

Слёзы или капель, первый блин комом,
Душа выворачивается наизнанку,
И восходит, будто луна над домом,
Блин, и заснули на балконе
Санки.

Я вспоминаю мини-средневековье –
Костёр на школьном дворе, когда сжигали чучел.
Зажигал, как всегда, Махмуд,
А Коровьев
С Бегемотом во дворе
кошек мучил.

По боку пыжик, душа нараспашку,
Драп пусть драпает в шкаф
вперемешку с муслином,

А я нарисую в тетрадке ромашку,
Спящую под наркозом
Наркомзема,
Под нафталином!

Зима висит на волоске, струною
капельною душу теребя,
А я, как половодье, над страную
Встаю, врастаю
Естеством своим,
о март,
В тебя!

АНАТОЛИЙ СУСЛОВ

* * *

Пролетает метель. Прометает насквозь
Крыши, ели, кусты и сугробы.
Заметает души колдобины, скользь,
И тоску, и хандру, и другие хворобы.

Белизна, чистота, сотворение мира.
Тишина и покой. Полумрак.
Где-то в сердца глубинах воскресла вдруг лира.
Исчезает древний утопляющий страх.

Я ласкаю твои волшебные руки.
Белизна, чистота и жемчужинный свет.
Все болячки мои, все глубинные муки
Исчезают. Исцеляет их чудо-ответ.

Твой ответ, что приходит извне, из оттуда.
Ожиданье моё получило сполна.
Все свершилось – и счастье, и чудо,
И метели накрыла волна-пелена.

Суслов Анатолий Петрович. Родился в Германии в семье военно-служащих-медиков. Окончил Второй московский медицинский институт им. Н.И. Пирогова. Профессор-иммунолог, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией в НИЦ ИЭМ им. Н.Ф. Гамалеи. Автор четырёх поэтических книг – «Отражение», «Иное», «Симфония чуда», «Азбука души».

* * *

Не вижу снежинок, не замечаю сугробов,
Хризантемы снегов на сплетеньях ветвей,
Не обиваю у неба порога,
Не обираю мысли в чужой голове.

Я бреду по белому бездорожью,
Я несу бесценную чашу в груди,
Ту, что испил в своей жизни безбожной,
Ту, что наполнили веры дожди.

Вдаль бреду я, где сумрак всё гуще
И бездорожье терзает мой шаг.
Знаю, Ты рядом, Ты мой Всемогущий,
Пред которым и нищ я, и наг.

И тепло, и весна, и птиц щебетанье –
Всё во власти Твоей, и Свет Твой, и Тьма,
Все порывы мои, мои все мечтанья,
Лепетанья, метанья ума.

И во власти Твоей теплота той ладони,
Что в моей, словно птица в гнезде.
Но смеркается даль, вся в сумерках тонет.
Таёт свет на не видимой мною звезде.

Этот свет предо мной ворожит, будоражит,
Он в метель, в сердцевину влечёт.
Всякий крохотный спуск, каждый малый овражек
Торжеством леденящим печёт.

И в плену, в колдовстве обниманья,
Сквозь потоки блаженств и теней,
Воскресает, растёт Судьбы пониманье:
Мы вдвоём, если вместе мы с ней!

* * *

Чёрно-белый мир. Осели сугробы.
Всюду властвуют влага и лёд.
Из тяжёлой серой небесной утробы –
То ли снег, то ли дождь – мрак, как неба испод.

И души закоулки все, переулки
В корке льда, ледяные катки.
Вместо хлеба ума – осклизлые булки,
Вместо свежести чистой – сосуль языки.

Я храбрюсь, я очень стараюсь
Не впадать в унынья свинцовый мешок,
Я рисую картинки светлого края,
Где в охват всей земли – зари ремешок.

Там, где образ любви воскрешённый, высокий,
Что рисует на небе Солнца восход,
Там, где взор глубины синевы дивноокий
Весь в сиянье кристально-живительных вод.

Это слёзы детей, тех детей убиенных,
Глаз невинных, не знавших ещё, что есть грех,
Слёзы ангелов, вновь рождённых, нетленных,
Матерей, хоронивших детский их смех.

Не оттого ли с миром в раздоре
И душа, и природа, и свет там вдали,
Что море – всемирное горе! –
В лёд сковали бесчувствия хрустали.

* * *

Есть Самость и Тамость, Всемирный Собор,
И много чего, нам данное Богом,
Но в голове – отупляющий сор,
И псевдокипенье в сердце убогом...

А я расцветаю в желанье мечты.
Её паруса мне грезятся чудом.
Восстань же против снов суеты, маэты!
Восстань против страха причуды!

Живи полной грудью, вдыхая, дыша,
Морозную свежесть и мая расцветы!
Любить, возносить и себя утешать,
Что ловишь оттенки запаха, цвета,

Что можешь радость свою разделить
С невидимым и обзримым,
Что можешь слёзы счастья пролить,
Ресниц касаясь любимых,

Что знаешь знаки и взор красоты
Уловишь, хоть брошенный тайно.
Что всюду есть бездонное Ты,
И есть Я – весь Твой не случайно!

* * *

И нетерпенье, и терпенье,
Огонь и ветер ледяной...
В груди взовьётся пламя-пенье,
Замрёт на миг весь мир земной...

Рассветы вместе и закаты,
Пространств шёлк и грубый холст,
И мы, грешны и виноваты,
И рай прощенья – в небо мост...

Схватить в охапку ворох света
И тенью спеленать в букет,
Чтобы одаривать за Это –
За всё, влекущее в завет,

В заветный губ касанья трепет,
Сердец бесценный перезвон,
За детский простодушный лепет
И за невольный вепря стон!

Кружись, кружись, Земля-планета,
А с ней хмельная голова!
Благодарю тебя за Это –
За звонкой дудочки слова!

* * *

Как сырая простынь, зима
Отрыдала. Сугробы сереют.
Скучно взгляду души и ума,
И картины былого не греют.

Где-то грозно грохочет война.
Где-то лёд облепляет всё, наледь.
Лай собачий, и тишина
Оглушительна. Боль всю едва ли

Сковырнёшь, как грязь с-под ногтей!..
Новый год, а дали чернеют
От дождей, от людей, от детей,
Что под взрывами коченеют...

А душа? На ладонь воробей,
Весь промок, чирикать не в силах.
Великан и всемирный злодей –
Нет, то просто мир весь немилый!..

Но растёт и растёт в глубине
Жизни полная святость – надежда!
Даже в самой страшной войне
Океан в ней бушует безбрежный!

* * *

Откуда-то приходит
И будоражит жизнь.
Ну ни о чём бы вроде –
Возьми и откажись.

Она всегда прекрасна –
И в чёрном, и в цветном!
И не стеной напрасно,
Не думай ни о чём.

Откройся просто настезь,
Дверь в сердце распахни.
Не думай о награде,
Луч радости вдохни.

Дыши им повседневно.
У правды много лиц.
Она же – королева,
Пред ней не рухнешь ниц.

Она тебе протянет
Руки свой дивный жест.
То чувство не завянет,
Тот нежной ласки свет.

Она – твоя владыка,
А ты с ней рядом – царь.
С ней прошлое – не дико,
Всё будет с ней, как встарь.

Высоких слов не жалко,
Пусть низкие молчат,
И сердцу станет жарко,
Вскричит оно – виват!

* * *

Разбрედусь, разбранюсь – всё не нравится!
Пробужу ли сердце своё?!
Всё томлюсь, всё брюзжу без усталости,
Красоты не чую полёт.

В сердце – сбой раневой, круты склоны.
А в дыханье – попойки отстой.
Если так продолжать неуклонно,
Не сказать стихии той: стой?..

Удиви сам себя обручаньем
С самой-самой нескладной, ничьей,
Не робей, расцвести увлеченьем,
Вихревой скачкой чёрных коней!

Замерев от восторга той силы,
Что с горы и под гору помчит –
То запев тот целебный и милый,
Что из сердца родного звенит.

Он звенит и теплом озаряет,
Разгораясь, взлетает он ввысь,
Поджигая, в огонь погружая,
Мне велит – держись, не бойсь!

Соберись, утонченье не стыдно,
Нежность ласку обожествит,
Станет жизнь высокодальновидной –
Красоту напоит, вдохновит!

* * *

«Семь злейших духов вместо одного...»
Но как прогнать? Их станет ещё больше?!
Нет, я склонюсь пред милой, дорогой,
Нежнее стану, чутче, тоньше!..

И терпкий воздух расколется в букет
Всех ароматов, что таятся в сердце,
В глазах – томленье звёзд, в лучах рассвет,
И даль, что жаждет близостью вскипеться!..

Пусть одиночество пред Космосом слепит
Всей темнотой, что вглубь тесней и глуше,
Руки твоей неодолим магнит,
Дыханья зов колдует мои уши!..

Качели радости – нежней всё, всё грубей,
То племя дикарей в груди, то демон ласки!
Что б ни случилось – поклонюсь Судьбе
За изумленье, за мгновенья сказки,

За обольщенье, озаренье, сердца звон –
Струна и колокол, и медные литавры –
Опять, опять я чувствую – влюблён,
Волшебный бред, счастливые кошмары!..

* * *

Я ступил за порог.
Я сошёл на крыльцо.
Предо мной сто дорог,
Свет небесный – кольцо.

Я пойду напрямик,
Как душа мне велит.
Сердца бьёт маховик
Неуемный свой ритм.

Я иду, как простак –
Просто-напросто вдаль.
Всё не так, всё не так!
Ну и что, мне не жаль!

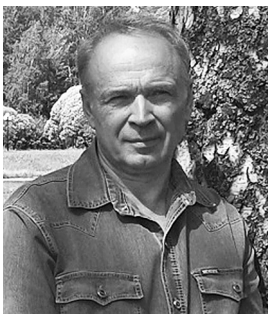
Ветер в кронах затих,
Исподлобья глядит.
В горле колом встал стих –
Слово бездны таит.

Словно маятник, шаг.
Взгляд ребёнка вдали.
Он – волшебник и маг,
Он – владыка земли.

Быть ребёнком – мечта:
Сон кошмарный забыт,
Дней пустых суета,
Захламляющий быт.

Свет жемчужный небес
В каждой клетке любви.
Жизни смысл воскрес:
Свет заветный лови –

Так сияют глаза,
Если ты к ним приник
И проник в то, что за,
В то, где счастья родник!..

ВАЛЕРИЙ ТЁРКИН

Памяти Высоцкого

Ушёл от нас, не дописав до точки,
Но в памяти остался на века.
Застыли незаконченные строчки,
Иссякла песен мощная река.

Ему судьба коварно подарила
Всеобщее признание «на бис».
Молва людская часто не щадила,
Но и она же поднимала ввысь.

Тёркин Валерий Борисович, член СП России, член Академии поэзии, член литобъединения «Свиток» г. Сергиев Посад.

Многokратный финалист литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя» (в 2017 и 2019 годах председатель жюри — Л.А. Аннинский). В 2019 году III место на Международном литературном фестивале «Открытая Евразия» — Брюссель, Бельгия, в номинации «Поэзия». Гран-при и первое место в двух номинациях на VIII Международном поэтическом конкурсе ПАНИ 2021 года «Россия, перед именем твоим». Лауреат Золотого пера 2022 года в Международном конкурсе «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» 2022 года. Во Всероссийском творческом конкурсе 2022 года — «Касаясь трёх великих океанов» — лауреат I и II степеней в двух разных номинациях.

Отмечен в ряде других литературных конкурсов и фестивалей.

Печатался во многих литературных журналах и альманахах.

Автор трёх поэтических книг.

Почти что свят, разобран на цитаты,
И памятные даты на слуху.
Мы стали творчеством его богаты
Благодаря кричащему стиху.

Сложна дорога русского поэта –
Быть на виду... и каяться при всех;
Пока живут – страдают от запрета,
А после смерти – слава и успех.

В его стихах не встретишь грубой фальши,
Слова летят как пули – прямо в цель.
Звучал повсюду голос хриплый раньше,
Ещё сильнее, может быть, теперь!..

* * *

Разрушен мир иллюзий и надежд,
Вокруг меня летает дым и пепел.
Перемахнул очередной рубеж,
И был ли счастлив?
Что-то не заметил!..

Всю жизнь свою гонялся за мечтой,
И в красоте я черпал вдохновенье.
Прекрасное сверкает чистотой
И радует моё воображенье!..

И пусть не всё сбывается подчас,
И много на пути камней и плевел.
Реальный мир так скучен без прикрас
И беден, словно бал без королевы.

Возможно ли расплавить сердца лёд,
Сорвать с лица моих печалей маски?
Пока любовь в душе не полыхнёт,
Не оживут и выцветшие краски!

По острию

По лезвию, по краю, по канату
Идём, рискуя, не жалея сил.
И тот заплатит дорогую плату,
Лавируя у точки невозврата,
Кого жестокий вирус пригвоздил.

Мы едем на газелях, в электричках, –
Надеемся на русское «авось».
То собираемся толпою по привычке,
Играя возле пороха со спичкой,
И рады, что сегодня обошлось.

Старался сам решать свои проблемы,
Когда вопрос касался личных дел.
Менялись увлечения и темы,
Теперь в плену у призрачной богемы,
Хотя и здесь к раздаче не успел.

Ступаю, балансируя, по грани,
И кровь сочится по моим стопам.
Ошибка или промах сердце ранит,
Как больно остриём по нежной ткани,
А после долго заживает шрам.

По лезвию, по кромке истончённой
Спешу на зов в те уголки, где ждут.
Я стал участник жизни обречённой
И потому склоняюсь пред иконой,
Пока ещё не грянул Божий суд.

ИДАЛИЯ ШЕВЦОВА-УРСАТИЙ

* * *

Расцветает герань на окне,
за окном пораскинулось поле –
это русская вольная воля
тянет руки-тропинки ко мне...
Оторвусь от окна и – на волю
по тропинке, где ветры гуляют,
по зелёному травному морю
парусами берёзки ныряют,
тонконогие кони пасутся,
да вон трактор застрял в борозде...
Захотелось мне сразу разуться
и по травам прохладным вот здесь
вслед за ветром пройтись,
Свиристели услышать свист...
И, лучисто сияя, пройдуся,
окрылая свободою Русь!

* * *

Девичья краса,
С плеча соскользнула коса

Идалия Шевцова-Урсатий (Шевцова Идия Фёдоровна) родилась в с. Завьялово Алтайского края. Публикуется в журналах, коллективных сборниках России и Зарубежья. Автор нескольких поэтических книг и прозы. Участница Дней славянской письменности и культуры в республике Молдова в 1997 году. Член СП Приднестровья, Международного сообщества писательских союзов, Союза писателей России, член-корр. «Академии поэзии».

и молнией в небо метнулась,
грозой заиграли глаза,
и милого сердце замкнуло!
И так полыхнули глаза –
весеннее солнце очнулось!
С плеча соскользнула коса –
рекой по равнине метнулась,
любимого сердце проснулось!

* * *

Метёт позёмка по дороге,
змея-змеёй, змея-змеёй,
с шипеньем обвивает неги,
пытается вернуть домой...
Но мне зачем туда, где строгий,
неласковый и злой твой взгляд,
чтоб дверь открыть и у порога
мне неприкаянно стоять...
Поставить обувь с твоей – не в ряд.
И пусть, пока я не застыну,
пройду дорожное кольцо –
как хорошо, что ветер в спину,
но лучше всё-таки в лицо!

* * *

Только взгляд я метнула быстрый
и ускорила шаг, да так –
из-под валенок снега искры,
словно стружки на верстак...
Ты за мною спешил, за капризной, –
всё пытался остановить,
что случайно встречался с Лизой,
а со мною гнездо хочешь свить...
Я не слушала, ревновала,
убегая от первой любви...
Только позже случайно узнала,
что сменял ты меня на рубли...

НИНА ЯРНОВА

Мне Высоцкий по духу брат

*Я ушедших покой не нарушу.
Мне Высоцкий по духу брат.
«Сапогами не вытоптать душу»,
Даже если загнать в штрафбат.*

Он был веку двадцатому верен.
И смотрел ему прямо в лицо.
А судьба преклонила колени,
Его жизнь уместив в кольцо.

Просыпаюсь и чувствую кожей
Нестерпимую горечь в душе.
В блиндаже этой жизни мы тоже,
Как и он, на крутом вираже.

Ярнова Нина Александровна родилась в г. Шатура. Вся её жизнь связана с Москвой. Педагог, мать троих сыновей. Член СПР, автор пяти поэтических сборников и двух книг для детей. Постоянная участница поэтических сборников и многих печатных изданий. Награждена дипломом МГО СПР им. Некрасова в номинации «Песенное слово», победитель в номинации «Нравственная. Патриотическая. Духовная», лауреат конкурса «Звёздная строфа» с вручением медали, победитель в номинации «70-летие Победы в ВОВ» с вручением медали. Автор-исполнитель песен и романсов, победитель музыкально-поэтических конкурсов «Романса голос осенний», «Волжские зори», фестиваля по творчеству Марины Цветаевой «Если душа родилась крылатой» в номинации «Музыкальная форма», лауреат фестиваля авторского романса «Времени связующая нить». Также обладатель диплома «Признание» и лауреат фестиваля «Планета Константин Бальмонт».

Вновь безумье по свету гуляет,
А мы слепо идём наугад.
Не судьба нас в штрафбат загоняет.
Мы её загоняем в штрафбат...

И горит пусть свеча, не сгорая,
Чтоб согрелся любой от неё.
Голубей прилетающих стая
Нам напомнит о нём без него.

Я ушедших покой не нарушу.
Мне Высоцкий по духу брат.
«Сапогами не вытоптать душу»,
Даже если загнать в штрафбат.

* * *

Порезав сердце на кусочки,
Ты сам себе то враг, то брат.
И лишь когда дойдёшь до точки,
Поймёшь, что сам ты виноват.

Жизнь учит говорить «Спасибо»
Тем, кто затягивал петлю.
Кто лгал бесстыдно и красиво,
Легко произнося «люблю».

Произнести «люблю» не сложно,
Коль безразличия струя
Прольёт дождём по бездорожью,
Забыв сказать: «Туда нельзя!»

И резать сердце на кусочки
Не надо, если есть любовь.
Не надо доходить до точки...
Любить! Желает сердце вновь!

2

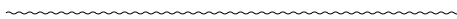
проза

МАРГАРИТА АЗАРОВА

Шоколадные шарики

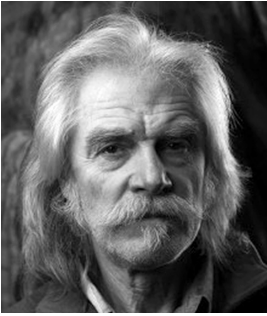
Пришлось немного поработать желваками. «Чёрт возьми, ну где эти шоколадные шарики», – беззлобно сказал хозяин семейства сначала про себя, а потом вслух. Но тихо так сказал. Он же не пьян. Детям этого показывать нельзя. Он лучший папа в мире. Новый год – это столько хлопот – обеспечить праздничный стол, сделай всем подарки, и такие, чтобы никто не расстроился. А что? Приходится приспособливаться, когда ты оказался в женском царстве. Жена и две дочери с разницей в четыре года. Да ещё три кошки. И все девки. На одну была, правда, надежда, когда нашли её котёнком, оравшим на лестничной площадке. Орала точно как Семён. А теперь бегаёт несуразная, длинная, с небольшой ушастой головой, но самая сообразительная из всех кошек, Сенька. Но любимицей остаётся Плюша. Он человек верный. Раз сказал – люблю, значит, любит. Греет Плюша душу, ластится. Приятно, когда тебя выделяет из всех, хоть и животное. Да он всех приютит, кто просит помощи. Вот ещё и третья кошка появилась – Марта. Люди умирают, а их животные остаются. Что ж, живи с нами; усыпить мы тебя не можем. Самим иногда есть нечего – зарплату задерживают, но где две, там и три кошки. Ниче-

Азарова Маргарита Александровна. Строфы ветра записывает. Приняли в Союз писателей, потому что себе их приписывает. Иногда их поют, иногда читают... Даже дипломы вручают. Жаль, ветру дипломы не передать... Но можно ему, как и прежде, внимать.

го, как-нибудь прокормим. Кошачий сухой корм очень выручает. Вон Сенька как его трескает, больше ничего и не хочет. Хоть мясо предлагай. Плюша, она больше побегала бесхозной по свету. Колбасой сердобольный люд её подкармливал, ещё чем со своего стола. А Сенька что? Маленькая совсем была.

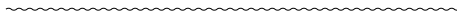
Так где же эти шоколадные шарики, чёрт их дери? Про себя, конечно. Праздник Новый год продолжается и первого января. Вон дети ждут эти несчастные шарики. Засунули, наверное, сами куда-нибудь, а папа ищи, найди, дай, да ещё молоком залей. Сама бы нашла да и покормила ими своих детей, мамаша. Вспомнил он, кто его поднял с постели и дал указания. Сама опять провалилась в сон. А, вот, нашёл. Так – тарелки, молоко; всё насыпал. Что, трудно самим было? Тоже про себя. Да, согласен – высокогато лежали. Когда он уходил досматривать свои новогодние сны, его немного удивило недоумение на лицах детей, о котором, впрочем, он тут же забыл. Проснувшись ближе к полудню, он обнаружил на столе нетронутые тарелки с кошачьим кормом в молоке и шоколадные шарики в кошачьих мисках. Ну, папа, с Новым годом, – с усмешкой поздравил он себя сначала про себя, а потом вслух.

СЕРГЕЙ БУСАХИН

«Просто маразм какой-то!»

Лео жадно съел виноград вместе с косточками и тоскливо посмотрел в запylённое окно. Там он ничего нового не увидел – привык к виду с однообразными и невыразительными постройками, да и сумрачный питерский декабрь не возбуждал в нём особого интереса к городским видам. Он был страстным солнцепоклонником и обожал писать пейзажи, залитые солнечным светом. В такие дни Лео становился весёлым и беззаботным, энергия переполняла его, и тогда он работал, не замечая времени, куря одну сигарету за другой и напевая известные только ему оригинальные мелодии. Нельзя сказать, что он не любил архитектуру. Наоборот, она его всегда привлекала, но только та, в которой он находил своеобразие и самобытность автора. Такой архитектурой он восхищался и, часто преобразая её под свой вкус и гармонию с окружающим ландшафтом, изображал на своих полотнах. Сегодня же сумрак окутал его мастерскую и серой пеленой ложился на холст с начатым городским пейзажем.

Бусахин Сергей Васильевич родился и живёт в Москве. После службы в армии работал в научно-исследовательском институте (ВНИРО), где регулярно участвовал в многомесячных экспедициях по Мировому океану. С 1984 по 1989 годы учился в ЗНУИ на отделении станковой живописи и графики. С 1990 года состоит в Творческом союзе художников России и Международной федерации художников. С 1985 по 2007 годы каждое лето ездил на остров Валаам, где писал этюды и картины, а также работал экскурсоводом. В настоящее время занимается живописью.

Всё лето он провёл на даче у родственников под Лугой. Родственники занимались бизнесом и были достаточно состоятельными, чтобы иметь обширный участок земли размером с футбольное поле со множеством построек. Лео они выделили под мастерскую небольшой строительный вагончик, который он почему-то назвал «кемпингом» и шустро заполнил чистыми холстами, красками, пузырьками с льняным маслом, разбавителем и различными лаками, а все стены завесил незаконченными картинами, на завершение которых у него иногда уходили многие месяцы, а то и годы.

Он никогда не сомневался в своём таланте и в разговоре с новым знакомым честно признавался ему, что «уже давно переплюнул Рембрандта и Репина, но никто почему-то этого не замечает».

– Вот до чего дошло! – возмущается Лео. – С годами-то моё мастерство совершенствуется! Я же не слепой и по своим шедеврам это прекрасно вижу, а мне говорят: ты кто такой? Просто маразм какой-то! Представляешь, в каком обществе мы живём?

Новый знакомый, ошарашенный заявлением художника, вглядывался в его серые, чуть навывкате глаза, но ничего, кроме полной убеждённости в сказанном, не обнаруживал. Понимая, что тот не шутит, проникался к нему доверием, обещая стать его постоянным клиентом, и под влиянием нахлынувших чувств вынимал бутылку со спиртным напитком. Радостный художник, довольный таким оборотом дела, вёл очарованного будущего клиента на кухню, и там они предавались самозабвенным возлияниям и рассуждениями о деградации современного искусства, временами произнося тосты за его возрождение. Лео то и дело поглядывал с любовью на свои картины в полной уверенности, что с него-то это величайшее событие в мировом искусстве и начнётся...

Родственники приезжали на дачу по выходным дням. С радостными и счастливыми возгласами, что наконец-то на эти два дня отделались от своего опостылевшего бизнеса, вываливались из машин бизнес-класса, открывали багажники и заполняли холодильники разнообразной снедью, после чего начинали неистово веселиться и купаться в пруду, устраивали шумные застолья с запахом шашлыков и других мясных продуктов питания, ну и, естественно, к этому примешивался запах дорогого алкоголя, сопровождаемый звоном бокалов.

Лео же был полностью поглощён своим творчеством, но иногда маленькие и «наглые» дети родственников своими играми в войну

и криками выводили его из этого гипнотического состояния: он с радостью хватал игрушечный автомат и, представляя себя смелым и одиноким партизаном, начинал с криком «Ура-а-а!» носиться по дачному участку, прячась за всевозможные укрытия и целясь во «врага» из автомата, вопил:

– Тра-та-та-та! Тра-та-та-та!..

Начинал сердиться и обижаться, если никто из «наглых» детей не падал, сражённый его «меткими очередями».

– Вы нечестно играете! – возмущался он. – Когда вы в меня стреляете даже из пистолета, я всегда падаю, а из автомата-то я быстрее могу попасть в кого-нибудь, а вы не падаете! Просто маразм какой-то! Не буду больше с вами играть!

Совершенно расстроенный, он уходил в «кемпинг» и вновь погружался в свой живописный мир, чтобы через некоторое время опять с воплями носиться с непоседливыми и «наглыми» детьми.

Я помню, как-то в один из сумрачных осенних вечеров мы с Лео закончили писать этюды и молча сидели на берегу Ладожского озера на острове Валаам: любовались угасающим закатом. Туристический сезон подходил к концу, и с последним теплоходом мы уезжали домой. Нам очень не хотелось покидать остров, и грусть переполняла нас. Здесь мы чувствовали себя свободными и счастливыми, считая, что это и есть настоящая жизнь художников, что в городе появляется слишком много других дел, отвлекающих нас от живописи. Вдруг Лео прервал молчание:

– Какая красота вокруг – этот чудесный закат, эти скалы, озеро! Бог нас в рай поселил, надеясь, что, живя среди красоты, мы будем совершенствоваться, а вместо этого двуногие его весь испоганили. Только и знают, что водку пьют да веселятся, а нет чтобы задуматься – зачем они здесь живут... что ты! Даже и мысли такой не возникает...

Я молчал и любовался закатом, а Лео, словно бы обрадованный моим молчанием, продолжал философствовать:

– Мы живём и не понимаем, что здесь мы только временные гости. Нас ведь когда-то не было в этом раю. Где мы тогда находились? Никто не ответит! Ведут себя, словно они вечные хозяева на земле и имеют право присваивать себе все её богатства, ничего не давая взамен. Из-за этого воюем и убиваем друг друга, а потом вдруг – бац! И нас уже нет здесь... Зачем же тогда всё это? Кому это нужно, если мы живём так мало, да ещё на чужой территории, принадлежащей Богу?

Закат угас окончательно, и мы погрузились в крошечную темноту. Лео замолчал и, закурив новую сигарету, принялся усердно пускать густые клубы дыма в северную безмолвную ночь...

В понедельник, рано утром, родственники, вволю повеселившись и отдохнув, уезжали на работу, а Лео был обязан всю неделю следить за дачным хозяйством и не забывать периодически поливать огород, на котором зрели огурцы, помидоры, клубника и прочие витамины. Освободившись от огородных обязанностей, он писал цветущие сады своих соседей: «Я отдыхаю, когда пишу цветы», – или с этюдником и холстами отправлялся к реке Луге в поисках красивых пейзажей. Местность была болотистой, поросшая мелколесьем, и уже давно надоела нашему живописцу, он мне часто говорил об этом и постоянно вспоминал Италию, которую обожал всей душой и считал, что только там и создавали когда-то настоящее искусство.

– Хожу, хожу по этому мелколесью, – жаловался он мне, – пока найдёшь достойный вид, уже и сил никаких нет. А у меня же не только этюдник, набитый под завязку красками, так ещё и несколько холстов под мышкой. Попробуй со всем этим полазай по болотам да мелколесью. Я тогда посмотрю на тебя!

С первыми холодами он возвращался в Санкт-Петербург с недописанными картинами и плохим настроением.

– А чего тут хорошего? – с шекспировской трагедией в голосе произносил он. – Мгла постоянная и суета. Да и мгла-то какая-то страшная, словно сажей всё вымазали. Опять же, места для живописи мало в комнате. Всё заставлено полками с книгами да картинами. Видишь, – указывает он на старинный и громоздкий мольберт у окна, – я только шаг назад могу сделать, чтобы картину на отходе посмотреть, – стол мешает, за которым я по вечерам графикой занимаюсь. Разве можно так работать? И, главное, всем наплевать, как я свои шедевры создаю. Если же хотят картину купить, то торгуются как на базаре, словно картошку покупают, да ещё – дорогую раму им подавай. Ну совсем одурели! В дорогой раме картина в два раза дороже будет стоить. Тогда они её вообще не смогут купить. И что я потом с этой дорогой рамой буду делать?

Жил он недалеко от Финского залива, и зимой оттуда всегда тянуло холодом и сыростью. За окном он постоянно видел свинцовое небо с тяжёлыми облаками, что ещё больше расстраивало его. Лео любил яркие цвета и, если у него появлялись деньги, сразу же

покупал дорогие итальянские краски, таким действием как бы приобщая себя к своим обожаемым итальянским живописцам эпохи Возрождения.

Картины современных художников оставляли его равнодушным, поэтому и выставки их посещал редко – «только время терять».

– Чему я могу у них научиться? Я, художник от Бога, пишу картину годами, а они мне показывают «однодневки». Вся старая живописная школа уничтожена. Она же столетиями складывалась. Вот от неумения и пишут «скороспелки», так называемые «ауры» и «медитации». Я тоже мог бы так писать и при этом хорошо зарабатывать, и у меня была такая возможность, но я не такой. Я бы стал презирать себя, если бы пошёл у них на поводу. – После этих слов Лео с гордостью посмотрел на себя в зеркало, примеряя громадный, сшитый на заказ, бордовый берет а ля Рембрандт, и, поправив кудри, продолжил: – Никто не знает, как тяжело мне даются эти картины, что я чувствовал, как я переживал, создавая тот или иной шедевр... Покупают себе машины за четыре миллиона, а картины им дари, видите ли! Ещё чего! Скорее я все свои шедевры уничтожу или Берегу Слоновой Кости подарю! – Лео в рембрандтовском берете набекрень вновь с любовью посмотрел на себя в зеркало, заодно вспоминая, где находится эта страна со столь экзотическим названием, куда он так лихо захотел сбегать все свои картины, потом – с ненавистью на свинцовые тучи за окном и продолжил: – Мне же надо какие-то книги купить. На новый этюдник денег не хватает. Вот был три с половиной месяца на Карадаге, а там, ты же знаешь, ветра просто сумасшедшие. Мой старый этюдник несколько раз на камни падал – чуть на части не развалился. Как я буду теперь на этюды ходить?

– А помнишь, ты мне как-то говорил, что мечтаешь серию картин посвятить Петербургу? – решил я перевести этот грустный разговор на другую тему.

– Да, возникла у меня такая идея: к его трёхсотлетию написать триста картин с видами Санкт-Петербурга, и для этого мне надо было всего-то две тысячи долларов. Поэтому я стал искать спонсоров среди «новых русских». Бесполезно! Никто не даёт. Этим «новым» ничего не интересно! Потом я пошёл к нашим депутатам. Мне кто-то сказал, что у каждого из них есть депутатский фонд – миллион долларов. Говорю им, мол, Питер хочу увековечить. Сразу же делают протокольные рожи. «Я вам все расходные чеки предоставлю на

оплату материала, – пытаюсь объяснить. – Надо же купить краски, холсты, подрамники и рамы хорошие нужны». Ноль эмоций! Зато по радио или телевизору – всё крокодиловы слёзы льют: «Культура упала! Духовности не стало! Деградация населения!» А я смотрю на свои картины и хохочу во всё горло. У меня-то всё нормально с культурой и духовностью. Я ещё, слава Богу, не потерял своего достоинства как художник.

Лео открыл форточку. Схватил пачку «Примы», достал сигарету и принялся нервно пускать дым в небеса, словно протестуя и против этой депрессивной погоды, и всех тех несчастий, которые обрушились на его голову. Докурив, выбросил окурочек и, содрогнувшись от холода, закрыл форточку.

– А тут ещё какая-то шпана у меня из общего коридора картины спёрла. Представляешь, в каком обществе мы живём? Три раза приходили, три дня подряд уносили.

– И ты это только на четвёртый день обнаружил?

– Нет, я сразу заметил, что как-то не так холсты стоят.

– Так надо было сразу же картины в квартиру убрать.

– Я и начал это делать. Но всё сразу унести не мог. У меня в комнате и так всё заставлено картинами да книжными полками. Диван ещё, на котором мы с моей женой Зойкой спим, а детская комната вещами Дениски завалена. Найти место для новых работ очень трудно. Я и так внёс, слава Богу, сколько картин. Эти сволочи забрали даже самые большие подрамники с чистыми холстами.

– Там у тебя и пейзажи Петербурга находились?

– Ну конечно! Кроме того, были работы, которые я написал, ещё когда учился в «Репинке».

– Ты хоть в милицию-то заявил об этой краже?

– Сразу же заявил, и долго пришлось им объяснять, что такое гениальная живопись и сколько она должна стоить.

– Чем же всё кончилось? Нашли хоть что-то или кого-то, кто этим воровством занимался?

– Ага, держи карман шире! Никого и ничего не нашли и, как я понимаю, искать не собираются. Я тебе больше скажу: я на них зол не знаю как.

– На кого «на них»?

– На милицию, конечно. На кого же ещё! Я же недавно под арестом находился. Представляешь – что тут происходит!? Меня, гения,

в каталажку упекли! Просто маразм какой-то! Разве я не рассказывал тебе об этом?

– Первый раз слышу.

Лео замолчал и, накупившись, принялся судорожно выдавливать краски на палитру, и пока не выдавил не менее пятидесяти цветов, не успокоился, заполнив таким образом почти всё её поле, после чего прервал молчание:

– Так вот слушай. Только я приехал с дачи, как мне звонит моя старая знакомая по Репинскому институту, с которой я когда-то учился на одном факультете, и приглашает меня на свою персональную выставку в Купчино. Я поехал. За выпивкой и разговорами время пролетело незаметно. Едва на электричку успел. В Питер приехал в первом часу ночи. Доехал на метро до Ленинского проспекта, а там я, как ты знаешь, всегда на троллейбус сажусь и еду до своего дома, а троллейбуса всё нет и нет. Я недолго думая пошёл пешком. Иду себе по ночному Питеру и по-итальянски песню «Санта-Лючия» пою. Не успел я насладиться своей любимой песней, как вдруг передо мной тормозит патрульная машина. Из неё выходят две морды и требуют предъявить документы. А я же недавно в Союз художников вступил. Я им показываю удостоверение, мол, посмотрите, кто перед вами стоит. Что ты! Ноль! Тупо посмотрели и говорят: «Хватит нам мозги компостировать – нам настоящее удостоверение твоей личности надо. Паспорт имеешь при себе?» Я только паспорт из кармана вытащил, как один из них хватя его у меня из рук и начал его подозрительно рассматривать, а потом и говорит: «Всё это легко подделать можно, тем более художнику, поэтому, гражданин, давайте не будем усугублять и без сопротивления пройдёмте к машине, а в отделении разберёмся, что к чему и где вы эти документы сварганили, тем более вы, гражданин, по виду выпимши, что явно свидетельствует не в вашу пользу». Ты представляешь, в какое общество я попал? С ума можно сойти! Я, естественно, стал возмущаться, а в это время другая морда проснулась и говорит: «Ну что, будем силу применять?» Тут я окончательно понял, что дальнейшие разговоры в этом обществе абсолютно бесполезны, и пошёл к машине. Привезли меня в отделение и тут же посадили к проституткам в обезьянник. Те вели себя нагло и чему-то всё ржали, а потом ко мне стали приставать и спрашивать, не желаю ли я с ними заняться любовью по сходной цене. Я им говорю: «Может, и хотел, да не могу. Все деньги у меня патрульные

отобрали, а бесплатно – пожалуйста». А они мне: «Нет, – говорят, – мы бесплатно трудиться не привыкли, даже гениальные художники на нас не производят впечатление».

– Что, все деньги у тебя забрали?

– Да в том-то и дело. Как только мы в отделение приехали – всё выгребли! Я эти деньги всё лето копил – триста пятьдесят рублей с мелочью... В общем, отпустили меня примерно в четыре часа утра. Всё вернули, кроме денег. Я их спрашиваю: «А деньги где?» Они мне: «Какие деньги? Вот вам квитанция. Мы вам штраф выписали за нарушение общественного порядка». Видишь, что ту делается! Просто маразм какой-то! Ну а дальше уже комедия началась. Иду я по ночному Питеру, униженный и ограбленный, и вдруг меня опять нагоняет уже другая патрульная машина, и всё повторяется как под копирку. Я уже не выдержал и как заору: «Я у вас уже был недавно, и меня всего обчистили! Может, в этот раз вещами возьмёте!?» Они стали хохотать. Я вижу, что вроде ребята весёлые попались, я им тогда говорю: «Хотя бы меня, гениального художника, до дома довезите». Какое там! Они ещё пуще стали хохотать. Захлопнули дверь и уехали, при этом так газанули, что я чуть сознание не потерял от выхлопных газов. Я это терпеть не могу!

Лео замолчал и принялся нервно наносить мазки на холст, продолжая работу над незаконченным городским пейзажем.

ИННА ДЁМИНА

Горбачёв – умер

30 августа 2022 года меня потрясло сообщение – умер Михаил Горбачёв. У меня и сейчас нет чёткого представления о том, кто же главный архитектор и несёт основную ответственность за развал Советского Союза? Стратег развала М. Горбачёв? А тактик окончательной ликвидации страны А. Чубайс? Версий – миллион. Из статьи В.Ф. Ларченкова «Рынок для людей, а не люди для рынка»: «По мнению академика С. Глазьева, вся промышленность в СССР представляла собой не просто некую сумму отдельных предприятий, а взаимосвязанную систему цепочек, что было её прочным позитивом. В процессе поспешной чубайсовской приватизации с целью срочно создать олигархический класс предпринимателей, способных противостоять опасности возврата коммунистов во власть, чтобы бесповоротно покончить с социализмом, “в крышку гроба которого” Чубайс, по его же выражению, и “вбил последний гвоздь”. Нет единого мнения. Но есть чётко доказанное другими знание, кто сыграл главную-первую скрипку в деле воссоединения двух Германий. Без чего, возможно, не было бы Европейского союза и новой холодной войны, переросшей сегодня в горячую.

Дёмина Инна Владимировна – к.п.н., автор пятидесяти научных публикаций. Член Союза писателей РФ, поэт, прозаик, автор десяти литературно-художественных книг, три из которых изданы в пандемическом 2020-м году. Печатается в журналах, альманахах. Победила в поэтическом турнире 2018 г. Награждена юбилейной медалью «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Московской городской организацией СП России. Работает в литературных гостиных В.М. Богданова, Л.У. Звонарёвой, В.Н. Иванова.

С марта 1985 года М. Горбачёв, генеральный секретарь ЦК КПСС, устанавливает личные тёплые отношения с двумя Германиями. До того тёплые, что 9 ноября 1989 года падает берлинская стена. В феврале 1990 года на совместной конференции блока НАТО и государств Варшавского договора достигнута принципиальная договорённость, в заключение которой державы-союзницы по антигитлеровской коалиции отказываются от своих прав победителей. В июне 1990 года достигнута договорённость между М. Горбачёвым, уже Президентом СССР, и канцлером ФРГ Гельмутом Коелем, открывшая путь к завершению переговоров об объединении двух Германий. Согласился. Сыграл первую скрипку! Одновременно президент М. Горбачёв даёт согласие на членство объединённой Германии в Североатлантическом альянсе и на размещение на территории бывшей ГДР сил бундесвера, не интегрированных в НАТО. Ослеп, оглох и обезумел Президент! Или у него уже была такая идея, которую сейчас он и притворял в жизнь? Делегация ФРГ получила согласие Президента СССР на полный государственный суверенитет объединённой Германии. Поклялся, положив руку на германскую конституцию? И 1 июля 1991 года в апогее триумфального шествия Горбачёвских деяний был распущен Варшавский договор как “завершивший” свои функции. НАТО же не “завершило” и сегодня продолжает выполнять свои функции. Таковы фатально преступные “ошибки” президента.

За щедрые уступки при решении проблемы объединения Германий, упразднение КПСС, за вывод советских войск из Восточной Европы и другие фатальные для советского государства допущенные им “ошибки”, которые как позитив закладывались-планировались и были достигнуты Западом с помощью Горбачёва, ему, как главному миротворцу, в октябре 1990 года присуждается Нобелевская премия мира. За безграничную щедрость “мировой процесс” рассчитался с ним Нобелевской премией, т.е. 4 миллионами шведских крон и 500 миллионами итальянских лир. Как свидетельствуют историки, первый Президент СССР внёс премию в бюджет государства. Приятный жест. Но он не уменьшил ни вины Горбачёва, ни гнева народа. А оболъщение Горбачёва Западом продолжалось, набирало обороты и было беспрецедентным. Его перестройкой “восхищались”, которая семимильными шагами приближала достижение цели коллективного Запада – упразднить, расчленив, уничтожить СССР.

По мнению русского классика Василия Белова, Запад напирал на “фальшивые образы” свободы, демократии, гуманизма, которые не раз играли злую “шутку” в истории Царской России, СССР, на которые, как на крючки, попадались не только государственные и политические деятели (М. Горбачёв, Б. Ельцин), но и простые люди, пополнявшие собой пятую колонну. Названия улиц, магазинов, гостиниц, учреждений, фирм – иностранное нашествие. (Иностранная оккупация, осуществившаяся без выстрелов! Товары в продовольственных и промтоварных магазинах – на английском и т.д. языках, электроника, машины – иностранное нашествие. – *Прим. И.Д.*) И несмотря на это, даже “самая размышляющая” часть русского общества делает вид, что до сих пор не видит нашествия. Зомбированная, она как бы лишилась памяти».

Перестройка М. Горбачёва и её роль в изменении жизни страны, начиная с момента сложения Горбачёвым с себя полномочий Президента 25 декабря 1991 года, до сих пор продолжает будоражить умы историков и простых людей. После его кончины эмоциональность оценочной полярности им содеянного ещё более активизировалась. «Человек средних способностей, а проблемы гигантские, титанические, – не справился» (Д. Журавлёв). «Люди референдумом сказали – хотим жить в СССР – выполнить волю народа не смог» (Г. Бовт)... А мне думается, окрылённость своим авторитетом в отношениях с Германиями и одновременная неспособность видеть «на два-три шага вперёд» (А. Вассерман), к чему приведёт перестройка у себя дома, притупили, рассеяли чувство ответственности Президента перед народом за судьбоносность своих действий. И снова больно точит мысль: или именно этого он и хотел? За объединение Германий заплатить ценою уничтожения своего государства! Объединить Германию – желания хватило, уберечь свою страну от гибели – ума или желания оказалось недостаточно. Поэтической строкой своё негативное отношение к «деяниям» М. Горбачёва недвусмысленно высказал В. Иванов, советник РАН, член-корр. РАН, д.ф.н., профессор, член Союза писателей России:

*С моей оценкой Горбачёва,
Уверен, согласится наш народ.
Нашёл я ёмкое и правильное слово:
Он абсолютнейший банкрот.
С такими же, как сам, друзьями
Набрался храбрости страну управлять,*

*А то, что влез в чужие сани,
Так, бедный, и не смог понять.*

Лихие девяностые

*Такое было со страной,
И не исключено, что будет,
Когда ничтожно маленькие люди
Стоят у власти у большой.*

И появился Б. Ельцин, который, играя в «друзья» со льстивыми США, уничтожил то хорошее, что еще оставалось от великой страны.

Б. Ельцин

*Для мира был непостижим,
Для россиян – капризен и невнятен,
И созданный при нём режим
Имеет слишком много пятен.*

(В. Иванов)

В связи с приближающимся 100-летием образования СССР очень много написано и произнесено аналитической информации о причинах и последствиях распада и крушения Советского Союза. Затеяники горбачёвской перестройки много хорошего обещали народу. Из интервью Г. Саркисова с известным российским писателем Захаром Прилепиным: «Господь рассудил иначе, предложив в управление страной последовательно двух чудовищ. Несоразмерного должности и тщеславного Горбачёва. И властолюбивого демона Ельцина... В 1991 году (приняв предложение Запада – *Прим. И.Д.*) самоликвидировались и сдались, решив, что теперь хотим делать “как в Европе”».

Приведу суждения известного историка Евгения Спицына: «Сам для себя я не мог до сих пор найти ответ на один вопрос: почему Горбачёв, имея все законные возможности и власть арестовать эту троицу (авторов беловежских соглашений. – *Прим. И.Д.*) предателей и аннулировать их банно-ведерную писульку, не сделал этого? Думаю, что ключик к этой “тайне” зарыт в двух телефонных разговорах Джорджа Буша сначала с Ельциным, а затем с Горбачёвым, прошедших 8 декабря 1991 года. Первого он поддержал (В чём? – *Прим. И.Д.*) и дал гарантии его личной безопасности, а второго прямо предостерег от

силового варианта, сказав ему, что из всеобщего любимца Запада он в мгновение ока превратится в диктатора-изгоя, которого сразу сожрут свои же “консерваторы”, объявят его врагом народа и шлёпнут под бурные овации обманутого и проклинающего его народа. Я всегда с болью в сердце относился к гибели моей Родины».

Долгое время я была уверена, что Горбачёв, опасаясь народного гнева за содеянное, «убежал» в Германию. Оказалось, что он оставался в Москве. Пандемические годы уже больным провёл в Центральной клинической больнице, где и умер. Более десяти лет назад как-то в интернете прочла информацию о смерти Горбачёва. Мне подсказали, что подобное сообщение не однажды встречалось в сетях. Потому, когда в вестях 30 августа услышала сообщение о его кончине, подумала: очередная утка. Нет, на этот раз не утка. Была рада решению Владимира Путина соблюсти в похоронах нужную «дистанцию», не вмешивать государство в ситуацию, отдать проведение погребения М. Горбачёва на «откуп» родственникам и его близким друзьям. Сам В. Путин как человек отдал дань уважения усопшему 1 сентября, положив букет цветов к ногам умершего в безлюдном морге Центральной клинической больницы, что и показали «Вести».

А температурные градусы горячего двадцать второго нарастали. 21 сентября – очередная сенсация – объявлена частичная мобилизация. Поскольку альянс Евросоюза и США к этому времени приготовил и поставил против России объединённую современную натовскую военную машину и огромные финансы на линии соприкосновения с Россией протяжённостью в 1000 километров, приготовившись воевать с Россией до последнего украинца. 24–27 сентября в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях прошёл референдум о желании населения этих территорий войти в состав России. Референдум, волеизъявление граждан состоялось. Подавляющее большинство населения этих территорий сказали ДА вхождению в состав РФ. Зарубежные наблюдатели не зафиксировали серьёзных нарушений. 30 сентября в Георгиевском зале московского Кремля прошла открытая для всего мира трансляция торжественной церемонии подписания исторических документов – договора между Российской Федерацией, с одной стороны, и Донецкой народной республикой, Луганской народной республикой, Херсонской и Запорожской областями, с другой стороны, о вхождении их в состав России и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов.

Мобилизация – это молодёжь. Это лакмусовая бумажка, это главный «тест» сегодняшнего дня на «качество» современной молодёжи, выросшей, сформированной и воспитанной окружающим порядком вещей, направленных в основном на «свободу» и потребление. Это современная школа, где в образовательном процессе нет гражданской, государственной идеологии, почти отсутствует одинаково значимое с обучением – воспитание; митинговая тусовка за право личной свободы, в которой отсутствует понятие обязанности и ответственности; кино, телевизор, соцсети, пропагандирующие, несущие в молодёжную среду идеи и поступки вне понятия Отечества, Родины. Всё это вместе нередко оказывается намного сильнее влияния семьи, в первую очередь отца.

Вспоминаю своё школьное детство. 50–60-е годы прошлого века. Александр Матросов, Алексей Маресьев, молодогвардейцы, Павел Корчагин... Беспрецедентный личностный пласт гражданского духа и совести каждого ученика и жителя села Любавичи Смоленской области, прочно сцементированный книгами писателей того времени.

Александр Фадеев «Молодая гвардия». Из неё в школе учили наизусть большой отрывок «Руки матери», который до сих пор живёт в моей памяти. Моей любимой героиней была Любовь Шевцова. Я ещё ученица начальных классов. А моя сестра, старшеклассница, играла Любку Шевцову в спектакле, поставленном Липкиной Г.М., учителем химии, со старшеклассниками. Я несказанно радовалась за сестру, в сердце благодарила Галину Моисеевну, что она открыла что-то общее в сестре и героине книги, что меня просто окрыляло. Ученик, игравший Олега Кошевого, ходил по школе героем! Прошло время, автора оговорили, роман из школьной программы исключили. Прошло ещё одно время, читаю в ЛГ № 39 за 2022 год: «Выжившие члены “Молодой гвардии” Василий Левашов, Анатолий Лопухов, Радий Юркин на открытии памятника Виктору Третьякевичу. 9 мая 1965 года». И тут же: «Этого пришлось ждать почти 80 лет. 22 сентября Президент России Владимир Путин присвоил звание Героя России члену штаба “Молодой гвардии” Виктору Третьякевичу за героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». И почти робкий вывод Владимира Сухомлинова: «Может быть, роман “Молодая гвардия” вернётся в школу?» Если человек пера не уверен, чего ждать от остальных? Мне, кандидату педагогических наук, странно и не понятно, что происходит сегодня в педагогической науке, кто вершит учебно-воспитательную политику школы?

Далее Борис Полевой, «Повесть о настоящем человеке». В классе отдельные отрывки из книги читали как учителя, так и кое-кто из учеников. Каждый, кому доводилось прочесть, с сердечным трепетом ждал этого момента! Чувствовал себя счастливым! Однажды очень повезло: в Любавичи привезли фильм «Повесть о настоящем человеке». В селе ещё не было электричества. В клубе с помощью какого-то тарактевшего на улице движка показали частями фильм. До слёз разбередила детское сердце история подвига. Особенно медсестра, которую играла Тамара Макарова, у меня долго хранился её портрет, высокая, статная, чуткого, преданно любящего сердца! Беру ручку, лист бумаги. Что со мной? БУДУ ПИСАТЬ! БУДУ ПИСАТЬ О ПОДВИГЕ! «В морозном лесу тишина. Хрустнула ветка как гром». Дальше в голове пустота, и только сердце колотилось как тот движок!

Александр Матросов. Я – пятиклассница. Из газеты «Пионерская правда» нам в классе зачитали рассказ о том, как Александр Матросов, закрыв своим телом амбразуру дзота, дал возможность воинам овладеть неприступной высотой. С этого момента слова «амбразура», «дзот» навечно пропечатались на моей *tabula rasa*. А эмоциональное воздействие услышанного вылилось в стихи:

Твой подвиг известен народу, народ восхваляет тебя,
 Любимые наши герои, что родит родная земля!
 Зелёную¹ молодость отдал за счастье советской страны,
 Великие подвиги делал, чтоб Родину нашу спасти!
 За счастье не только один ты, а вся советская молодёжь,
 Которая жизнь не щадила, а шла всё вперёд и вперёд.
 Простые люди мира будут ваш прах охранять,
 Вечная слава героям, павшим за Родину-мать!

Пегас лишь коснулся тогда неведомой струны в моей душе и замолчал, набирая силы. Лишь с рождением третьего ребёнка стихами разразилась звонко.

Николай Островский «Как закалялась сталь». 1955 год, 9 класс, две параллели. А в школьной библиотеке только два экземпляра романа. В нашем классе через неделю открытый урок по этому роману. На

¹ Всю последнюю строку и метафору «зелёная молодость» узнала, вычитав их в «Пионерской правде». Они мне очень понравились!

класс дали один экземпляр с требованием всем прочесть книгу. В течение трёх дней нас 15–17 человек собирались в доме моей подруги и, попеременно меняясь, читали роман вслух. Война, холод, голод, разруха, ничего нет. А возведение Отечества – превыше всего! Павка Корчагин – в первых рядах, являя собой сплошной без усталости трудовой энтузиазм! И мы, читая, напрягались, переживали. Степень напряжения доходила иногда до предела, требовалась эмоциональная разрядка. Потому взорвались хохотом, когда прочли «...и пошёл, хлопая калошей». Т.е. на одной ноге ботинок, на другой – калоша. И чтение продолжалось. Никто не говорил нам «любите свою родину». Вся жизнь была пропитана и звенела патриотизмом, понятием Родины, что незаметно, как воздух, входило в наши души и сердца, поднимая на трудовой героизм!

И моя Родина Советский Союз, победившая в этой кровавой бойне, была ведома Иосифом Сталиным. Понимая, что он не всегда был прав, И. Сталин писал в 1949 году:

*Но кто-то правил и моей судьбой,
Я понимал тот вездесущий взгляд.
Он не давал ни сна мне, ни покоя,
Он жил во мне и правил свыше мной,
И я как раб вселенского настроения,
Железной волей управлял страной.
И было всё тогда непостижимо,
Откуда брались сила, воля, власть?*

Социологи, в связи с приближающимся 100-летним юбилеем создания СССР проводившие социологические исследования, свидетельствуют о прочном закреплении на первом месте в рейтинге среди исторических деятелей советского периода «...Иосифа Сталина, фигура которого к 80-м годам прошлого века была практически стёрта из общественного сознания. Количество россиян, разочарованных развалом СССР сегодня, исчисляется, по разным оценкам, от 75 до 90 процентов. И это уже не просто социальный феномен, парадокс истории. Это политический фактор, не учитывать который было бы весьма недальновидно». (ЛГ № 52 от 29 декабря 2022 – 17 января 2023 г.)

В 1989 году с лёгкой руки перестройки, нацеленной на отказ от всего советского, роман «Как закалялась сталь» изъяли из школьной про-

граммы как идеологический манифест, славящий КПСС. В реалии же не только и не столько. Это эпическое полотно, написанное сердцем мужественного патриота, на котором сформировалась гражданственная зрелость целого поколения детей войны! Оно, это поколение, из руин и пепла войны подняло порушенную страну до масштабов великой державы! Образ героя-ПОБЕДИТЕЛЯ дал своим романом Николай Островский грядущим поколениям! А сегодня? Кто творит сегодня стратегию и тактику воспитания гражданина своей страны? Ведь у нас есть министерства образования, науки, культуры. Сформулировали они сегодня основы государственной образовательно-воспитательной политики? Нет! Ждут, когда Президент сделает за них, сформулирует им одно из основных направлений ИХ деятельности? Потому что они всё ещё не поняли, что без этих основ дальше нельзя? Учитель географии школы № 1811 г. Москвы Андрей Тимофеев понял: «Сегодня, когда на крутом повороте русской истории крикливая кучка “нет войне” с её молчаливой группой поддержки препятствует национальному сплочению, консолидации общества, вносит в нашу жизнь разлад, вызывает всеобщее возмущение».

Но лёд, кажется, трогается! Министерство просвещения ответило на запрос депутата Госдумы Ольги Казаковой о результатах обновлённых требований к освоению учебного предмета «Литература»: «А.А. Фадеев включён в перечень писателей XX века для изучения на уровне среднего общего образования, а роман “Молодая гвардия” – в перечень обязательных для изучения произведений». Рубим «хвост кошки» по частям? Вот такое дозирование. В. Сухомлинов задаётся вопросом, и я вместе с ним: почему обойдены Н. Островский и Б. Полевой? А изучение учебного предмета «История»? Когда в нём обретёт своё достойное место объективно изложенная и представленная в учебнике тема: «Великая Отечественная война в жизни народов СССР»? Почему так преступно долго созревают депутаты ГД, чтобы своевременно делать запросы, в нашем случае поставить, озадачить вопросом Министерство просвещения? Минпрос же ведёт себя так, будто этот вопрос вне его компетенции. Но активизируется российская общественность, родители. Телеканал ОТР в первой декаде января 2023 года провёл дискуссию по вопросу «О возможном возвращении школы к советской системе образования». Спор был жаркий, но звучало много разумного и полезного. Как будут развиваться события, покажет время.

10 октября, после месяца оборонительных действий, российская армия массированно ударила по военной инфраструктуре многих главных украинских городов. То был ответ Генерального штаба России на террористические акты Украины последнего времени на Крымском мосту, обстрелы Запорожской атомной электростанции, взрыв на северном трубопроводе № 2, на удары по школам, детским садам...

Московская молодёжь (молодёжи других территорий не знаю) сегодняшнего дня в большинстве своём, как мне представляется, не имеет личностного фундамента гражданственности, не прошла школу гражданственности, не готова выполнять священный долг и обязанность защищать своё Отечество. Потому и «нет войне». В картине мира, что «угнездилась в их головах», по афористичному замечанию публициста Татьяны Воеводиной, нет понятия Родины, для них это не поднятая целина. А тест на гражданственную зрелость в связи с ограниченной мобилизацией идёт.

Своими соображениями делится политик, общественный деятель, председатель правления Российского союза ветеранов Афганистана Франц Клинецвич: «Нам противостоят не знакомые с честью и совестью негодяи, которые ни перед чем не остановятся. Самое печальное, что этими негодьями стали наши русские люди, которые называют сегодня себя украинцами. А мы – один народ. Нас, русских, украинцев, белорусов, искусственно разделили, теперь надо воссоединиться ради исторической справедливости». Нас разделили в годы перестройки и разлома жизни народа своими чудовищными «ошибками» наши слабые правители и неумные политики. Отмена патриотизма, гражданская незрелость, психология потребления «вымели» из страны в связи с частичной мобилизацией часть граждан, укрепив тем самым наши тылы.

17 октября Москва закончила частичную мобилизацию. 18 октября были подписаны Президентом указы о создании Координационного Совета, о дополнительных полномочиях глав субъектов Федерации применять необходимые меры по повышению безопасности гражданских объектов и объектов жизнеобеспечения. Без введения мер, ограничивающих обычный ритм жизни. Объявлено о введении военного положения трёх категорий: первая – в четырёх новых субъектах Федерации и ближних к ним областях РФ. И далее по степени удалённости от них – вторая и третья категории.

А коллективный военный Запад, проводя в Брюсселе одну за другой встречи контактной группы по «обороне» Украины, заявляет, что поддержка им Украины будет продолжаться (хотя альянс не считает себя стороной конфликта), потому что поддержка, как пишет политический аналитик, исследователь Вероника Крашенинникова, «играет ключевую роль. Всё это слишком важно для него, потому что победа России над Украиной станет ни много ни мало поражением НАТО», чего, по мнению коллективного Запада, допустить никак нельзя.

Политический аналитик, писатель Николай Стариков пытается нарисовать нам другую особенность современного взаимодействия Запада и России, противостояние которых, постоянно затухая или обостряясь, проходит по линии суша-море. Запад относит себя к «морю», Россию – к «суше», к континентальным державам. Задача «моря» – загнать Россию «суши» как можно дальше вглубь континента, не давать ей выхода к морю, давить и ослаблять, тормозить создание большого союза европейских сухопутных держав. Задача России – прорываться к морю, иметь мощный флот, способный сдерживать претендующие амбиции чужаков на её богатые территории. Задача англосаксов – окончательно поссорить, «расташить» Россию и Германию, используя украинские события. Распад России объективно усилит Китай, что не в интересах Запада. Россию нужно ослабить, сделать ему подконтрольной, внедрить в Кремль своих агентов влияния. Открыто воевать с Россией США не собираются. Их устраивает украинский вариант сегодняшнего дня. И воевать с Китаем у них нет желания. Цель их – столкнуть Россию с Китаем. А в голове моей больно скребёт мысль – никто из Азии, Африки, латинской Америки до сих пор не заявил о признании Крыма, Донецкой, Луганской республик.

В настоящее время идёт скрупулёзная военная подготовка 300 тыс. мобилизованных к предстоящему ратному труду и подвигу. Как сообщает собственный корреспондент ЛГ по Хабаровскому краю Виктор Марьясин, не ожидая повесток и не нуждаясь в объяснениях, что страна в опасности и требуется суровая работа мужского молодого населения, своевременно создано Приамурское ополчение. Мирные граждане – мобилизованные парни – за короткое время превратились в стрелков, гранатомётчиков, снайперов, сапёров, разведчиков, механиков-водителей, артиллеристов, освоивших уже сегодня различные воинские должности. Ядро созданного полка составляют опытные, некоторые с боевым опытом, офицеры. Виктор Марьясин

делает вывод: «Совершенно ясно, те, кто сражаются на Украине, защищают и наш Дальний Восток. Сторонникам Бандеры отправка нынешних приамурских ополченцев не сулит ничего хорошего».

Депутат Госдумы Анатолий Вассерман говорит прямо: «Вопрос встал, повторяем, со всей исторической жестокостью “Быть или не быть?” Если сейчас гибнут десятки тысяч людей, то – не сделай мы этого шага – масштабы потерь станут просто гигантскими: буквально завтра погибнет полстраны, а остальная половина рухнет в нищету и рабство».

А 35–40-летний Ростислав Амелин, сотрудник Центральной научной библиотеки им. Н.А. Некрасова, обосновывает позицию противоположного толка:

1. Должно произойти достаточно событий... Дождаться, пока шитая белыми нитками западная картинка украинского конфликта разойдётся по швам.

2. Нужно продержатъ Запад в ежовых рукавицах достаточно долго, чтобы иссякла ресурсная база для их пропагандистской риторики. Нужно дождаться раскола в их политической системе, надо продержатъ мир в экономическом кризисе достаточно долго.

3. Нужно дождаться, чтобы ресурсы на поддержку аттракциона «Другая (прозападная) Россия» закончились.

4. Украинцы должны претерпеть от своих же националистов достаточно, чтобы принять их поражение как свою победу. Только так можно будет получить не проблемные регионы с терактами, а благодарных соотечественников. Ждать, пока в народе не накопится достаточно недовольства от обстрелов собственных граждан украинской армией. Это тоже не произойдёт завтра.

5. Так называемые союзники России должны перестать воздерживаться на международных судилищах. Пока они уклоняются от прямой поддержки России. Да, нейтральность часто подразумевает лояльность, но это не голос ЗА.

Как я понимаю, Президент и Генштаб России склоняются ко второму варианту. Но он потребует от России огромного финансово-экономического напряжения, ресурсов. Есть ли они у государства? Хватит ли на «растяжку» ресурсов и политической воли? Хватит ли терпения у народа? У тех, кто вырос и сформировался на принципах свободы и потребления, терпения, показывает практика сегодняшнего дня, нет уже и сейчас.

МАРК КАЗАРНОВСКИЙ

Я могла умереть много раз

Как и значительное количество пожилых людей, её беспокоила бессонница.

Жанна уже в который раз перевернулась на кровати. Сон не приходил. А значит, приходили различные мысли – воспоминания, которые зачастую будоражили душу.

Она ещё раз перевернулась, и вдруг пришли воспоминания. В бессонницу они приходят к Жанне постоянно. Она отгоняет их прочь. Жмурится. Даже встаёт и бродит по квартирке. Но как ложится, так её начинают окружать тени прошлого. События, иногда стремительные, проступают из ночного тумана. Из углов входит страх.

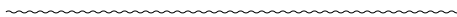
Вот уж тогда точно начинается бессонница, которую в колею сна и сновидений не загонишь. Остаётся только одно – вспоминать.

Неожиданно для себя Жанна вдруг начала считать, сколько раз она должна была умереть. Оказалось – шесть раз.

Сон не шёл, и Жанна, покрутившись, поняла, что делать нечего – придётся вспоминать.

Вспоминать, как она должна была умереть в первый раз.

Это случилось внезапно, и было очень страшно. Маму арестовали. 25 марта 1938 года.

Казарновский Марк Яковлевич родился и вырос в Москве на Старой Басманной улице. Биолог, кандидат наук. Работал на Дальнем Востоке. В настоящее время Марк Яковлевич живёт во Франции.

Автор ряда книг о людях советской эпохи, показывающих через неправдоподобные сюжеты реальную жизнь во времена СССР.

Впрочем, Ленинграду не привыкать. Пожалуй, с 1920-х годов он планомерно уничтожался, достигнув пика в 1934 году (Кировский поток) и 1937 году (Ежовский тракт).

Впрочем, так вот легко писать – поток, тракт. А когда неожиданно государство врывается в отдельно взятую семью... Да ребёнку, то есть Жанне, ещё только шесть лет. А сестра её ещё ничего не знает. Она у мамы в животике и родится на Гороховой, в здании НКВД. Откуда редко кто возвращался в те годы.

Мама была арестована за танцы в «Астории» с японцем. И прошла, по последующим рассказам, почти все круги ада. Без сна.

Яркий свет. Стоять долго и неподвижно. А всё потому, что, оказывается, её записали японской шпионкой. Видно, по шпионам Японии был недобор.

Повезло маме Елене Александровне несказанно. 15 декабря 1939 года она была освобождена. На Наркомат внутренних дел пришёл Л.П. Берия, и начали выпускать всякую мелкоту.

Но в марте 1938 года всё было ужасно. Потому что, во-первых, не стало мамы, которую и так Жанна видела нечасто. Всё больше – няньки. И собака Найда. И, во-вторых, однажды вечером снова пришли. Теперь за ней.

Бабушка, милая бабушка, успела дать медвежонка и мешочек со сменкой, запасными штанишками и чулочками. Впрочем, всего этого можно было бы и не давать. Так как в первые дни в детприёмнике всё как-то сразу было потеряно. И одевала Жанна что давали.

С этого самого времени поселился СТРАХ в Жанниной душе. Она как окаменела. Жанна увидела в приёмнике, что плакать нельзя. Тётеньки очень кричали, когда кто-то плакал. Так громко и страшно – замолча-а-ать! – что все затихали и съёживались.

Здесь же Жанна впервые узнала, что такое – дети умирают. Через кроватку лежал мальчик. Он почти не вставал, а однажды утром она увидела, что он лежит, открыв глаза и ротик. И не моргает. И ручки держит согнутые и прижатые к груди. Так вот Жанна увидела смерть. Мальчика быстро унесли, завернув в одеяло.

«Кто ещё есть?» – деловито спросила одна тётя.

«Нет, сегодня вроде только один», – буднично ответила ей другая.

Но плакать очень хотелось. И не только одной Жанне. Было бы можно, завыл бы весь детприёмник. Но нельзя. Поэтому плакали тихо, ночью, накрывшись одеялком с головой.

Есть очень хотелось. Но давали мало, и Жанна стала худеть и вставать всё реже и реже. В детприёмнике было нестрого – лишь бы не шумел. Всё равно скоро отправят куда-то.

Она вдруг со страхом подумала, что и её скоро унесут в одеялке, как того мальчика. И она уже никогда не увидит ни маму, ни бабушку.

Вот так Жанна должна была умереть в первый раз. И на самом деле, как ей выстоять против И. Сталина, В. Молотова, Н. Ежова и Л. Заковского, что командовал погибельными делами в городе Ленина. Нет, нипочём не выстоять.

Но чудеса, конечно же, бывают. Однажды днём к ней подошла дежурная тётя, которую, Жанна боялась как огня. Быстро натянула на неё платье, вытерла лицо с засохшими ручейками слёз, просморкала нос и повела по коридору. А в конце коридора стояла её бабушка. Милая, высокая, красивая бабушка.

Вот так Жанна снова очутилась у себя дома. С мамой. С бабушкой. С новой сестрёнкой, рожденной в тюрьме, с няней и собакой Найдой. Было это в феврале 1939 года. Жанне – шесть лет.

И она не умерла в этот первый раз.

* * *

Началась война. Она для девочки 8 лет как-то вначале проносились мимо. Покуда не шарахнула. С первыми холодами.

Вначале детей вывезли. Они жили где-то под Ленинградом. Спали в теплушках. Ели на станции. Там же был и туалет. Тёти и дяди говорили – вот скоро, вот завтра, вот послезавтра поедем.

Но вдруг все бросились в вагоны, и они пошли в Ленинград. Это значит – 8 сентября 1941 года вокруг Ленинграда кольцо окружения замкнулось.

Она вспоминает многое. С наступлением холодов няня принесла маленькую железную печку. Ещё со времён революции её называли «буржуйка». А затем откуда-то принесли большую дверь, покрытую лаком. Мама и бабушка её неумело пилили, и перед сном печка пыхла. Давала людям тепло. На ней всегда стоял чайник. Правда, Жанне кипяток пить не давали. «Ноги будут пухнуть», – пугала няня.

Жанна начала ощущать постоянный сосущий голод. Она бродила по соседним дворикам, но ничего не находила. К зиме у помойки

наткнулась на человека. Он сидел у бака и, казалось, мирно спал. Но Жанна уже знала, какой это сон. Человека унесли на следующий день.

Исчезла и Найда. Она, бедная, похудела и вся дрожала. Но на улице не выходила. Собаки ведь всё знают. Их не обманешь. Она знала, что на улице ей будет смерть сразу.

И она всё поняла, когда за ней пришёл сосед. Он долго о чём-то говорил с мамой и бабушкой. И мама, и бабушка горько плакали. А Найда встала и сама пошла к соседу. Так и ушли.

Няня же и Жанна сидели на кухне. Жанна тоже уже понимала, что Найды не будет. Но не плакала. Детприёмник многому научил. Это только сразу не заметно.

В марте 1942 года Жанну, маму, бабушку погрузили в грузовик, который в колонне направлялся по Ладожскому озеру. Она и сейчас чувствует холод, ветер и полную темноту. Это потому что переезжали озеро по льду ночью. Дорога жизни – да не для всех. Впереди вдруг в полынью ухнула машина, и никто не спасся. И даже никакого крика не было.

А дальше уже легче – теплушка, печка «буржуйка» и, главное, – и мама, и бабушка Жанне есть давали понемногу. Чуть-чуть масла, кусок сахара, кисель очень жидкий. Поэтому, верно, и не умерла. А многие сразу начали есть много и тут же умирали. Вот так её спасли мама и бабушка.

А поезд с эвакуированными шёл ни шатко ни валко, но, в конце концов, пришёл в Пятигорск. И был уже апрель. Мимозы цвели вовсю. Эвакуированные распределились по комнатам, общежитиям. Старались держаться вместе, если из одного района. Или даже улицы. И не знали, что приехали вовсе не в рай, как многие думали. А угодили прямо в ад. Ибо вскоре в Пятигорск вошли немцы.

* * *

В августе 1942 года Пятигорск, Минводы и другие города и посёлки Северного Кавказа были оккупированы немецкой армией.

Оккупация продолжалась недолго, 5 месяцев, или 155 дней. Которые перевернули жизнь всех жителей Северного Кавказа.

Одних – евреев, цыган и больных, находящихся на излечении в санаториях Пятигорска и Минвод, расстреляли. Тогда же впервые были применены так называемые «душегубки». Убивали выхлопными газами.

Других зарегистрировали и подготовили к отправке в Германию.

Третьих оставили в покое. Но когда немцев выгнали, начались разборки, которые продолжались всю оставшуюся жизнь. Поскольку во всех анкетах до окончания дней своих ты должен был писать: да, находился на оккупированной территории.

* * *

Многое вспоминала Жанна в эти бессонные часы.

Бабушка пошла регистрироваться на биржу труда. Делать это нужно было еженедельно. И она всегда брала с собой Жанну – оставлять одну девочку десяти лет было опасно.

На биржу Жанна уже ходила с бабушкой много раз и никаких опасностей не предвидела. Но в этот раз к бабушке привязались.

Видно, регистраторша, толстая, некрасивая девица с прозвищем, которое знал почти весь Пятигорск, – «мочалка-давалка» (что это такое, Жанна не знала совершенно, да и забыла вскоре), была не в настроении. Да два офицера-немца сидели в регистрационной. Один что-то листал. Другой – внимательно созерцал осу, которая тщетно пыталась выбраться из здания биржи. Беспомощно стучалась в окно.

«Ежели улетит, то к октябрю, как обещал герр майор, получу отпуск, – загадал офицер. – Накуплю отрезов и – в родной Падерборн, гори здесь всё синим пламенем. А к тому времени, глядишь, и кончится вся эта Восточная кампания, не к ночи помянутая. Нет, нужно, нужно тётушку Ингу просить – пусть переговорит направить меня на Западный фронт. Во Францию».

Всё это сонное царство было нарушено визгливым голосом «мочалки».

– Чё это вы мне одни и те же бумаги подсовываете! Чё, не понимаете, что я вас как оперную певицу зарегистрировать не могу. У нас такой специальности в регистржурнале нет. Вот дояркой могу. И сразу – в Пруссию. Тама, грят, что фермы, что коровы, хоть каки им арии пой, – и «мочалка», довольная, захохотала.

– Halt, halt, – вдруг очнулся от грёз офицер, следивший за осой. – Wir priifen jetzt, was fur eine Opernsangerin Sie sind. Bitte¹, прошу, – и он указал на середину залы.

¹ Погоди, погоди. Мы сейчас проверим, какая такая вы оперная певица.

Бабушка же на удивление легко вышла на середину комнаты, взяла стул, незаметно опёрлась на него и вдруг неожиданно для всех запела на чистом немецком языке Штрауса. «Сказки Венского леса». Меццо-сопрано звучало так, что давно немые окошки задребезжали. Щель сделалась больше, и оса улетела. Без регистрации.

Далее произошло вот что. Немец, который листал какие-то бумаги, изумлённо смотрел на бабушку и шептал:

– O, mein Gott, gottlich, ich bin aus Wien¹, – и неожиданно заплакал.

А другой офицер тихо-тихо начал вставать, очень осторожно подошёл к бабушке и на французском языке шёпотом произнёс:

– Accordez-moi cette danse s'il vous plait.²

Бабушка, ах, милая бабушка, благосклонно улыбаясь и не переставая петь, положила руку на погон офицера.

Жанна хорошо помнит этот момент. И не забывает его. Даже во сне ей часто всё это снится.

А дальше какой-то мираж. Исчезли столы, запачканные фиолетовыми чернилами. Пропала «мочалка». Только звякали шпоры, тренькали медали, и плавно кружилась по зеркальному паркету бабушка с блестящим гвардейским офицером.

– Madam, was machen Sie aber hier? Sie sollen sofort wegfahren. Sofort. Wir werden hier nicht lange bleiben. Laufen Sie, wir helfen Ihnen³, – шептал офицер, ловко вальсируя бабушку.

И на самом деле, вскоре бабушка, мама и Жанна получили предписание выехать в Рейх и прибыть в замок Вевельсбург, где она должна явиться лично к управляющему замком полковнику Манфреду фон Кнобельсдорфу.

Жанна закрыла глаза. Но сон не шёл. Немного поплакала. По бабушке.

И ещё в Пятигорске было происшествие, которое трудно забыть. Да и нужно ли забывать? Может, оно в дальнейшем как-нибудь да отразится на судьбе семьи Жанны.

Просто однажды, жарким сентябрём 1942 года, к ним в комнату, не постучав, вошёл немецкий офицер.

¹ Бог мой, божественно, я же из Вены.

² Разрешите пригласить Вас на танец.

³ Но, мадам, что вы здесь делаете? Вам нужно немедленно уезжать. Не медленно. Мы продержимся недолго. Бегите, мы вам поможем.

Жанна, честно говоря, немца, немецкого офицера, так близко видела впервые. И, следуя бабушкиной команде – «стань за мной, быстро», – она спряталась за бабушку. Но выглядывать продолжала.

Ах, хорош был офицер! В блестящих сапогах. Жёлтые перчатки. Крест чёрный на груди. И лицо незлое. Даже весёлое.

– Frau, können Sie mir bisschen Wasser geben. Es ist heiß.¹

Офицер был весел. И доброжелателен.

– Wer hat sich da versteckt? Was tiir ein hubsches Madchen. Wie alt bist du?²

– Sie ist zehn³, – ответила бабушка.

– Gut, sehr gut.⁴ – Офицер покачался с каблука на носок, подмигнул, улыбнулся и неожиданно сказал:

– Los, Madchen, wachs schnell. In sieben Jahren werde ich dich heiraten,⁵ – и он весело засмеялся.

А бабушка Жанны всё-таки артистка, да бывшего императорского театра⁶. Поэтому она и говорит спокойно:

– Als Offizier werden Sie Ihr Wort halten. Deswegen heiraten Sie meine Jeanne. Zu dieser Zeit lernt sie Ihre Sprache und, glauben Sie mir, sie wird noch schöner sei.⁷

– Ja, natiirlich, Frau, – достаёт какую-то бумажку, пишет адрес и говорит: – Ich warte auf dich, Kleine, bei mir zu Hause in sieben Jahren. Auf Wiedersehen, meine Braut.⁸

Засмеялся и ушёл.

Бабушка адрес посмотрела и присвистнула: «Эге, девочка. Расти. Нам теперь нужно выжить обязательно».

* * *

Но по дороге в вожделенный Рейх никаких привилегий не было. Те же теплушки. Та же грязь. Да к тому же состав всё время шёл под

¹ Фрау, не могли бы Вы мне дать воды? Очень жарко.

² А кто это прячется? Какая красивая девочка. Сколько тебе лет?

³ Ей десять.

⁴ Хорошо. Очень хорошо.

⁵ Давай, девочка, расти быстрее. Через семь лет я на тебе женюсь.

⁶ Анна Кернер, солистка Мариинского театра.

⁷ Как офицер вы человек слова. Поэтому уж точно женитесь на моей Жанне. Она к этому времени язык выучит и станет, уж вы поверьте, ещё краше.

⁸ Конечно, фрау, жду тебя, малышка, у себя дома через семь лет. Пока, моя невеста.

обстрелом. Как будто знало Правительство СССР, что бегут из страны оперная певица Мариинки и «японская шпионка» – просто очень несчастные женщины. С двумя маленькими детьми.

Но поезд от обстрела убежал, и хоть и с грязными и голодными, но эшелон во Флерисдорф прибыл. По приказу самого Гимmlера до 800 человек должны были работать на замок Вевельсбург.

Жанна осталась жить. И сестра. И мама. И бабушка.

* * *

Она посмотрела на часы. Шестой час, и ни в одном глазу. Хоть бы под утро заснуть, так нет, растормошила себя. Растревожила память. Поди усни. Теперь уж точно ничего не остаётся – только вспоминать.

* * *

Я встретил в Париже Жанну много-много лет спустя после описываемых событий. Мне было интересно, чем же окончилась эта эпопея в Германии в период 1943–1945 гг.

И что стало с действующими лицами, которые появлялись в бессонные ночи.

– Да всё просто, – начала свой рассказ Жанна. – Нас привезли поначалу в какой-то Флерисдорф. Там был карантин несколько недель. Нас всех вымыли под холодным душем, затем вернули прожаренные и уже испорченные вещи и дали есть. Был, помню, какой-то суп, где плавали брюква и репа. И мы всё съели.

Затем нас перевезли в Вевельсбург. Это такой большой замок, который нас не очень-то и интересовал. Интересовал суп, который дали в первый день. Суп был густой, вместе с картошкой и фасолью попадались какие-то хрящики.

Дали нам миски и ложки. Нет, не так много нужно человеку. Мы решили, что жизнь налаживается. Разместились в бараке, где были двухъярусные нары и соломенные матрасы. Было довольно чисто. Начальник нашего лагеря полковник Кнобельсдорф произнёс речь, построив нас в каре. Был и переводчик.

«Работницы! Вы приехали в великую Германию на работу. Ваша задача – привести в порядок парк и лес вокруг замка Вевельсбург, а также поддерживать в идеальном порядке жилые и музейные помещения замка. Замок этот – достояние Рейха, и вы должны относиться к работе со всей тщательностью. Вам запрещается покидать террито-

рию лагеря, встречаться с мужчинами, воровать и совершать иные противоправные действия. За нарушения вы можете быть строго наказаны администрацией».

Так вот мы и стали жить. На работу ходила одна мама, а бабушка сидела со мной и сестрёнкой.

Я же наблюдала за дискуссиями мамы и бабушки. Бабушка доказывала, что никакой перспективы нет. «Так и подохнем в этих лагерях», – говорила она. Мама же говорила, что лучше подохнуть здесь, чем получить пулю в затылок на Гороховой.

Вот такие были политические споры. Которые закончились, как только бабушку стали возить на концерты в окрестные города.

На концертах, как я понимаю, преуспевал местный «бомонд». Бабушку встречали очень хорошо. Ещё бы. Где им было слышать такое меццо-сопрано.

Однажды бабушку повезли очень далеко. В Австрию. Её пригласили петь в каком-то замке города Круммхюбель. А бабушка всегда – по разрешению, разумеется, администрации – брала меня с собой.

Я очень радовалась. Из душного и полутёмного барака – да на природу. Красота! Сколько яблок! Вишен! Вот бы сорвать да скушать! Но!

Так вот, привезли нас в Круммхюбель. Такое небольшое поместье. Замок симпатичный. На кухне дали поесть. Бабушка перед концертами не ела, а я уж не отказывалась точно.

Концерт проходил в большом зале. Народу было немного, и я, ведь уже скоро 14 лет, обратила внимание на одного офицера. Лицо у него было обожжено, но не очень. Вместо левой руки – протез, и с ногами что-то – он сидел на коляске. Её возил пожилой слуга.

После концерта бабушку и меня пригласили на ужин. Это, кстати, бывало редко. Обычно пакет с едой и «нах марширен».

Но тут мы попали в обстановку очень сложную. На столе всё сверкало, и я, естественно, не знала, что мне делать. Кроме одного – всё это нужно съесть.

– Следи за мной и повторяй, – тихо прошептала мне бабушка.

Мы сидели напротив обожжённого. Он оказался хозяином дома.

Я видела, с каким интересом и вниманием он смотрел на бабушку. Но это и неудивительно – на неё все так смотрели после концертов.

Удивительно было другое. Он вдруг наклонился к ней и сказал:

– Geben Sie mir bitte Wasser. Was fur eine Hitze.¹

И засмеялся. Меня ударило током. Я узнала его. Это тот офицер, что приходил к нам, и бабушка дала ему пить. И ещё он обещал на мне жениться.

А бабушка не растерялась.

– Ich bin sicher, Sie werden Ihr Versprechen halten, Herr Offizier. Sie können aber sich daran erinnern², – и бабушка весело рассмеялась.

Хозяин дома рассказал гостям эту удивительную историю. Все меня разглядывали, а я сидела красная и очень огорчённая: ведь когда разглядывают, то набивать полный рот едой некрасиво.

* * *

За кофе хозяин дома долго говорил с бабушкой. О чём они говорили, я не знаю. Но вскоре пришла в лагерь к нам какая-то бумага. Очевидно, очень важная. В ней предписывалось сопроводить бабушку в Круммхюбель.

Мы с мамой и сестрёнкой остались без бабушки. Одни.

Бабушка исчезла, и нам показалось – всё рухнуло. Но нет. Еды вообще стало больше. Шёл 1945-й год. И охрана подобрела. Иногда в барак заходили пожилые охранники. Давали нам, детям, какие-то соевые конфетки-батончики. Вдыхали. Показывали фотографии своих жён, детей, кошек и собачек. Я в этот момент всегда злилась и на фотки не смотрела. Небось, они своих собак не ели. А только нам сделали так, чтобы мы все или умирали с голоду или собак съедали. Да и кошек. Вот!

Послабление режима нашего барака такое стало, что у мамы неожиданно появился друг. Да не наш, а настоящий француз. Он был большой, рыжий и приносил и маме и нам – мне и сестрёнке – очень нужные подарки. То есть еду. Попадалась даже колбаса. Звали его Люк. На дружбу эту начальство лагеря смотрело уже сквозь пальцы. Шёл апрель 1945 года!

Вишни распускали свои бело-розовые бутоны. И в нашем полутёмном бараке все ходили, как пьяные. И старые тётки, и молодые женщины.

А однажды утром мы вышли из барака и увидели – никого нет. Ни на «аппеле», ни в здании коменданта, нигде. Ни одного солдата. Даже

¹ Дайте, пожалуйста, воды. Ну и жара.

² Я уверена, что вы своё обещание выполните, господин офицер. Вы ведь его помните.

на вышках. Только рыжий большой француз Люк, наш друг, бежал к нам и кричал почему-то по-немецки: «Аллее капут! Капитулирен!»

Вот так окончилась эта страшная для нас с мамой и для всех военная эпопея.

* * *

Затем появились солдаты, уже русские. На середине площадки, куда нам строго-настрого запрещалось подходить, поставили стол, и молодой офицер стал составлять какие-то списки.

Мама шёпотом сказала нам: «Молчите, я скажу, что вы из Франции». Сказано это было так внушительно, таким свистящим шёпотом, что мы стояли как вкопанные. Как две дурочки. Может, такими и были.

Оказалось, что мама едет с Люком во Францию как его невеста, а нас берёт с собой как сирот – французских, несчастных девочек. И ни в какие репатриационные списки нас советские офицеры не записали. Как оказалось, очень хорошо. Потому что я и сестра попали во Францию. С мамой.

А что было с бабушкой – это целая отдельная история.¹

* * *

Да, кстати. Я вот упоминала, как много раз могла погибнуть. И знаешь, почему этого не случилось. Да потому что меня не было в списках.

– То есть как? В каких? – изумился я.

– Вот смотри, что я выяснила:

- в списках детприёмника я не значилась;
- в домовой книге – не значилась;
- в эвакуационных списках – не значилась;
- в регистрационных списках биржи в Пятигорске – не значилась;
- в списках трудового лагеря Вевельсбург – не значилась;
- в списках советских репатриантов – не значилась.

Так как же меня Смерть могла найти, когда меня нет ни в одном списке?

Вот поэтому и живу.

¹ До 1947 года Анна Кернер жила в Париже и выступала с сольными концертами. В 50-е годы приехала на родину, но в СССР ей не удалось вернуться на сцену.

АЛЕКСАНДР МАХНЁВ

Покаяние

Продолжение

Зашуршал замок, и в гостиной с тяжело гружёнными сумками появилась Петровна.

– Володенька, помогай, не донесу!

И тут же обратилась к Валевичу.

– Никитушка, сейчас чай заварю, тортик купила.

Расшевелив приятелей, Вера Петровна скрылась в кухне. Мужчины повеселели. Владимир пошёл в кухню, Никита вслед крикнул.

– погоди чаёвничать! Давай ещё по стопочке. Петровна! Эй, Петровна, не гони лошадей, гость ещё не уходит.

Вера Петровна тут же отреагировала.

– А не пора ли завершать, ребятки? Уже вечереет, чаю погоняем, и спать.

Друзья одновременно замахали руками. Дружное сопротивление подождил Валевиц:

– Верочка, сорок лет не виделись, дай посидеть по-человечески, мы ещё и разговаривать не начали. Ты уж прости.

~~~~~
Махнёв Александр Владимирович. Профессиональный военный. Полковник в отставке. Имеет правительственные награды, в том числе орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР третьей степени», юбилейные и памятные медали.

С 2010 года активно занимается творческой деятельностью. Прозаик. Автор двадцати двух книг. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Маршала СССР Крылова Н.И. (2017 г.), национальной литературной премии «Писатель года – 2017» (3-я Премия в основной номинации РСРП), Всеармейского литературного конкурса «Твои, Россия, сыновья» (2018 г.).

Домоправительница была разочарована, ей так хотелось в компании посидеть, поговорить, комплименты послушать, не зря же она лучшее платье сегодня надела.

Валевич продолжил:

– Родная моя, ты прости...

Вера Петровна вспыхнула как майская роза, суетливо дёрнулась, восторженными глазками стрельнула в сторону Никиты – вот уж и родной стала, давненько она не слыхивала таких слов от Валевича.

– Никитушка, может, ты прав, посидите, поговорите. Я гостю на диване постелю. Ты, Володенька, помоги, если что, Никите Павловичу, он у нас сильный, почти всё сам делает, но подстрахуй. А я пока домой, часикам к десяти подбегу, если что.

Лезнов кивнул. Через минуту дверь за Петровной закрылась. Владимир глянул на Валевича.

– Куда она без плаща?

– Так она в этом подъезде живёт, этажом выше. Позднее расскажу, история нашего знакомства с ней замечательная, роман можно написать.

Лезнов присел к столу, потянулся к виски. Налил. Положил в тарелку Никите куриную ножку, себя не обделил. Беседа продолжилась.

– А когда ты уволился? Почему, что произошло? Положим, нагрешил малость, и что, с кем не бывало?

Валевич поморщился, будто что-то вспоминая:

– Погоди. Дай бог памяти. Не уволился я, а по суду чести уволили, без пенсии и прочих армейских благостей. И было это в 1975 году. Осенью. Я тебе уже говорил, сам на себе крест поставил. В семьдесят пятом все, кто прибыл в полк со мной, были уже старлеями, а я всё лейтенант, с кучей выговоров, в том числе и по комсомольской линии. На каждом офицерском собрании кости мыли, даже когда не за что было, всё одно ругали. Лишь комсомольский секретарь полка Серёга Стрельцов всё пытался, как он говорил, на путь исправления меня поставить, молодой ещё, всё свои психологические эксперименты ставил, то поручение какое подкинет, то просто в душу лезет. А я удила закусил. И не то чтобы подличать желал, нет, просто всё и всем назло делал. Вызовут к командиру, опоздаю, куда пошлют, побурчу, дескать, мне некогда и прочее, вспоминать тошно. Но так было. Последняя история вовсе была некрасивой. Назначили к нам в батарею нового комбата, только старшего лейтенанта получил,

на год меня моложе. И парень нормальный, не карьерист, трудяга, по деловым качествам выдвинут. Я сердцем это понимал, а в душе злость – молодой, а уже на майорской должности, ещё годок-другой, в академию смоется, а я всё лейтенант, расчётом командую. И вот как-то на комплексном занятии накричал он на меня, причём за дело накричал. Мог, конечно, и не кричать, просто взыскание объявить, но я же сказал, молодой ещё, и ему самоутвердиться надо было. Ну, я его стукнул, не так чтобы сильно, просто в плечо ткнул, а он грохнулся. Вокруг офицеры стояли. Все в шоке. Комбат смутился, поднялся с земли и, ничего не говоря, ретировался, наверное, правильно сделал, ещё драки не хватало. Вечером, уже после занятий, подошёл ко мне заместитель командира батареи, Костя Селиванов, авторитетный был у нас человек. Говорит, иди к комбату извинись, простит, не извинишься – из армии полетишь. Я опять на дыбы, мол, мне и так терять нечего, я сам уволюсь. Развернулся, к КПП, на попутку – и домой, в гостиницу. На следующий день на гауптвахту загредел, а дальше механизм увольнения заработал, ты же понимаешь, если механику включают, уже не отвертишься. Через недельку с чемоданом одиноко стоял на автобусной остановке. Вот такая некрасивая история.

Лезнов удивлённо качнул головой.

– Однако... И что дальше?

– Что дальше, спрашиваешь? Через день был дома в Даугавпилсе, перед родителями ответ держал. Мать простила, наверное, поняла мятежную душу, всё же сын, а вот отец... Отца в тот день на скорой в больницу отвезли – инфаркт. Он у меня человек жёсткий, абсолютно бескомпромиссный, так и не простил позора. Позором он считал бегство из армии. До конца своей жизни не простил. И я опять взбунтовался. Дверью хлопнул и ушёл. Поступил в котельную при трамвайном парке, там и жил. Но это была не жизнь. На всех окрысился. Запил. Не запойно. Попью, когда смены нет, отвалюсь на топчан, и в сон. На смене ни-ни, лопатой уголёк натаскаешься, не до мыслей дурных, опять на топчан. И так пять лет – пять лет коту под хвост, ты представляешь? Мать иногда приходила, поесть принесёт, поплачет, и домой. Пил я из-за своей дури, самоедничал, заливал спиртным вечный для себя вопрос: почему всё это со мной произошло, как это могло случиться? И спросив, виновных искал. Кто виноват? Виноватыми для меня были все: тот же Полушкин, комбат, комполка, родительские соседи и сам господь Бог. Все, только не я. В

1980 году отец умер. На похороны не пошёл, но после захоронения, ночью, чтобы никто не видел, выл на свежей могилке, словно белуха.

Лезнов молча слушал покаяние товарища. Да, это было именно покаяние. На такие откровения не каждый отважится.

Так себя лупцевать...

В какой-то момент даже подумал, а может, прервать этот бесконечный монолог. Он внимательно посмотрел на Валевича. Но нет. Нет в глазах Никиты ненависти, боли, отчаяния. Перегорел, видимо.

А Никита продолжал.

– Той ночью на могиле отца произошёл надлом, может, душа покойного мою гордыню усмирила, не знаю. Не знаю... Вряд ли он простил меня, я ведь с ним и не общался до смерти. Но надлом случился. Через парочку дней пришёл к матери. Та, ни слова не говоря, обняла, разрыдалась. Так с ней вместе и просидели в обнимку всю ночь. Веришь ли, весь следующий день спал. Спал сном младенца, мать на цыпочках ходила вокруг да около, разбудить боялась. Я уж потом думал, вот батя умер, и я домой прискочил, даже не похоронив его, наверное, со стороны грустно было на всё это смотреть. Наверно, люди осуждали меня. Но в тот момент и мне, и маме было безразлично, кто и что о нас думает и говорит. Главным было то, что мы вместе.

Мама отца пережила ровным счётом на полгода. Не болела, ни на что не жаловалась, просто однажды, пожелав спокойной ночи, легла спать и не проснулась. Решил я уехать из города. Сделать это было несложно, в пивнухе, что я иногда посещал, был знакомый механик речного флота. Сам из Нижнего Новгорода. Расхвалил город, мол, жить там хорошо, река, поля, леса. Поля и леса – это, безусловно, плюс, но я с детства водные просторы обожал, думаю, почему бы и не уехать. Нашёл этого мужика, он дал адресок родственника, и я выехал в Россию. Всё прошло замечательно. Квартиру поменял, ещё доплату получил, так что от голода не страдал. Вот с той поры здесь, в этой хате, и живу. В восемьдесят втором устроился в речное пароходство механиком, всё же инженер по образованию, карьеру не делал, день до вечера трудился, дом, работа и прочее. С дамой сошёлся. Не расписываясь, жили. Всё путём. Дама гулящей оказалась. Спустя год в разнос пошла. Выгнал. И вновь, как тогда, в семидесятых, запил. С работы выгнали. С друзьями сошёлся, сам понимаешь – попойки пошли и прочее, помалу вещи, мебель стал продавать, жить-то надо на что-то. И опять гордыня душу стала есть,

вновь те же вопросы: за что, почему всё так случилось. А дальше, сам догадываешься – кто виноват...

Я, помнишь, обещал о Петровне рассказать? О Вере Петровне?

Лезнов, с нетерпением ожидая некую новую интригу, кивнул.

– Ну, ну.

Валевич продолжил.

– Так вот. Однажды на шум в квартире пришёл сосед, этажом выше жил. Солидный дядечка, постарше меня лет на двадцать. Говорит, уймись, гулёна. Работать иди, пропьёшь всё, умрёшь от водки. Я ему, мол, а тебе какое дело, шагай своей дорогой, за свои пью и в своей квартире. Покрутился он, и домой. А через пару часов жена его пришла, это и была Вера Петровна. Вошла, улыбается, симпатичная такая.

Сосед, спрашивает, а не могли бы вы нам помочь, шкаф надо передвинуть, мы с мужем справиться не можем. Почему бы и нет. Поднялся к ним в квартиру. Как и у меня, те же две комнаты, но ухоженные, чистенькие, из кухни приятный запахок – борщом пахнет, у меня слюна пошла. Сглотнул. Петровна заметила. Шкаф подвинули – невелика работа. Она и говорит, может, пообедаете, только борщ сделала. Смотрю, муж поморщился, мол, к чему алкаш за столом. А я думаю, раз так, поем и выпить попрошу, всё же работал на них. Сели, поели, выпить, правда, хозяин не дал, говорит, спиртного не держим. Перекусив, домой зашёл, квартирёшку свою обошёл, нет, думаю, так дальше жить нельзя.

Тряпку на швабру – и вперёд...

На следующий день утром Петровна с куском пирога приходит. Спрашиваю, а сегодня, что будем двигать, смеётся, ничего не надо, вот вам пирог к чаю.

С того дня жизнь начала налаживаться. С мужем Веры Петровны, Иваном Дмитриевичем, сдружился. Он оказался стоящим мужиком: грамотен – не переспоришь, в шахматы, как профессионал, рубился, рассказчик замечательный. Он, кстати, и на работу меня устроил. Другок его через дорогу от дома легковушки в гаражах ремонтировал, пристроил Дмитрич к нему механиком, так что я ещё и профессией автомеханика овладел. Но в девяностом Дмитрич умер. Инфаркт. Не болел, нет, просто время такое наступило – перестройка, пропади она пропадом, нервы и прочее. Петровна затосковала, всё больше дома сидела, редко уже ко мне заходила. А я вновь запил. И допил. В девяносто втором инсульт. Причём на пороге дома шарахнуло, уж

и не помню, входил ли, выходил, а только когда в больничной палате очнулся, сказали, в дверях лежал. Догадайся, кто на пороге меня нашёл? Верно! Она, Петровна. Месяц был обездвижен. Она чуть ли не ежедневно приходила. Я только глазами ворочал. К лету Вера забрала домой, нет, не к себе забрала, сюда вот, в мою квартиру, и привезла. Следила за мной, как мать, и то, что я потихоньку начал отходить, это всё она. Она врачей подключила, сестричка приходила массажи делать, сама лекарства приносила, кормила. Как-то священника привела, правда, я сначала не понял, к чему. Но не противился, пусть, думаю, батюшка поговорит, я-то Фома неверующий, при советской власти атеистом рос, в божественные чудеса не верил. Пока не верил. Так что Петровна меня вытащила. И не знаю, откуда силы в этой женщине...

Никита замолчал, повернул голову к окну, сделал вид, что на улицу смотрит, а сам незаметно слезу сбросил.

Лезнов разволновался, уж больно тяжёл рассказ товарища.

Валевич продолжал:

– Ты знаешь, в эти трудные для меня дни чудо свершилось. Однажды порог квартиры переступил молодой человек. Высокий, симпатичный, на вид лет двадцать. Петровна ему дверь открыла. Говорит, тебя, Никитушка, паренёк спрашивает. А я в кровати лежу. Думаю, кто это, по каким таким делам гость заявился? Накануне, как раз риелтор приходил, всё квартиру предлагал уменьшить, думаю, наверно и этот парень из компании вымогателей. Хотел было шугануть. А молодой человек шагнул к кровати, сел рядом на стул, смотрит на меня, руки слегка подрагивают, глаза чёрные, огромные, может, мне это и показалось. Чувствую, сердечко бьётся, сам разволновался. Спрашиваю, в чём дело? Что за вопрос ко мне? Он молчит. Ну же, говорю, смелей. Парень спрашивает, вы Марину Владимировну Кореневу знаете? Вспоминаю, кто это. Вдруг осенило, это же моя Маринка! Жена лейтенанта Валевича. Говорю, конечно, знаю. Только хотел вопрос задать, он какое отношение к моей Марине имеет, тут парень и выпалил: вы мой отец. Шок! Петровна чуть не отключилась, заохала, заахала, заплакала. Я окаменел, не могу понять, что это – сон или что... Из шокового состояния выходили вместе: слёзы, причитания и прочее. Одним словом, что случилось. Маринка уехала из гарнизона, будучи в положении, но беременность первого месяца, естественно, не видна, и лишь позднее дома в женской консультации разобралась, что не за горами материнство. А поскольку мы развелись быстро и по-злому, мне о

беременности не сообщила. Они со своей матушкой решили оставить ребёнка и вырастить его. Уже будучи в положении, познакомилась Марина с бельгийцем, в Прибалтике иностранцев немало, жена моя красивая женщина, запал на неё бельгиец, посватался, к себе увёз, у них потом ещё две девочки родились. В совершеннолетие Марина рассказала сыну о родном отце, коим я и был. Спустя несколько лет паренёк решил найти отца непутёвого. Вот и нашёл. Инвалида нашёл, да ещё инвалида, прикованного к кровати. Но знаешь, парень крепким оказался. Явно не в меня. В свои двадцать с небольшим он бизнесом, связанным с разработкой компьютерных программ, занимался. Быстро разобрался, чем мне помочь, тренажёр купил, специальный тренажёр, под мои проблемы, врача толкового нанял, а я только отнекивался, мол, дорого, да зачем тратишься. Мы с Верой не успевали головами крутить, глядя, как он интерьер в квартирёшке моей менял. Но самое главное, душевный парень. Говорили с ним много, о Марине, о нём, о моих проблемах, о политике рассуждали. Вот такие дела.

Уехал сын через три недели. Звонит регулярно, с Мариной помирил, так что с бывшей женой я теперь общаюсь. И ещё, Володя, прозрел я. Что повлияло, как это случилось, не совсем понимаю, наверно, здесь целый комплекс обстоятельств сыграл свою роль – и болезнь, и то, что родное семя рядом появилось, и Петровны доброта. А толчок батюшка дал, священник, отец Николай, я тебе о нём говорил. Он нечасто, но заглядывал ко мне, тут уж Вера старалась. Рассуждали с батюшкой много, о мире, о жизни, её смысле, целях, ценностях. Я тебе скажу, этот человек – кладёзь мудрости. Помнишь, я рассказывал, как поедом себя ел, гробил, всё искал ответ на вопрос, почему именно со мной все житейские неприятности случались, за что... И потом перебирал, кто виновен в моих бедах. Так вот, отец Николай помог посмотреть на эти мои жизненные перипетии иначе. В ходе одной из бесед он сказал: «Сын мой, глянь на всё по-другому и думай, ни за что тебя жизнь наказала, а для чего».

Ты понимаешь, Владимир. Казалось бы, пустяшная фраза – «для чего», но в ней огромный смысл заложен. И ещё: *«Человеком надо быть, среди людей человеком, и быть им всегда, пойми. Именно это понимание созвучно очищению души»*, – тоже его слова. Значит, отбросить надо все думы о прошлом, попусту не ковыряться в себе, о будущем думать, жизнь ведь продолжается, в ней есть всё, и добро, и горечи, и злоба, но зацикливаться на своих бедах – себе вредить.

Не знаю, в философии не силен, может, что в этих рассуждениях и не совсем верно, может, примитивно, но с мыслями о том, для чего человек живёт, мне становится легче.

Валевич замолчал.

Лезнов также держал паузу. Не всё ему нравилось в рассуждениях Никиты, и не всё он понял. А как понять: за окном бурлящая жизнь, она гонит, гонит человека, он не успевает за её движением, а уж тем более не всегда осознаёт её смысл. И этот процесс бесконечен.

Никита словно прочитал его мысли.

– Нагнал я на тебя тоску? Ты уж извини. Просто мы с тобой, как боксёры говорят, нынче в разных весовых категориях. Ты живой, цветущий, а я, с точки зрения физической, почти овощ, но овощ с головой, полной мыслей.

Он улыбнулся.

– И, как ты, наверно, убедился, мыслей хороших, добрых. Так что давай посошковую стопочку именно на этой хорошей нотке и выпьем.

В коридоре зашуршал замок. Никита оживился.

– Наша красавица идёт.

И, повернувшись к двери, весёлым голосом крикнул:

– Вера Петровна, мы уж по тебе заскучали. Давай, что там у нас к чаю!

* * *

Уехал Лезнов от Валевича в обед следующего дня. Ночь после разговора с товарищем почти не спал. И не диван был плох или подушки жёсткие, отнюдь, всё прекрасно, комфортно, тихо и спокойно, но рассказ Валевича разбередил душу. Сложной оказалась судьба этого человека. Впрочем, всем непросто, жизнь штука сложная, и сам он не всегда ровно по гладкой дорожке шёл, бывало, спотыкался.

Но как покаянно Никита оценил себя...

Надо иметь большое мужество так о своей жизни рассказывать, так её оценивать: просто, с улыбкой, порой и со слезой. Рассказывать безбоязненно, не переживая, что собеседник не поймёт. Мужество для этого надо, мужество и понимание того, что именно искренность и покаяние дают человеку возможность достойно жить.

НИНА НАЗАРОВА

Парус веры

Люба медленно шла по аллее парка. Ежедневные утренние прогулки с болонкой вошли в привычку. Но сегодня она отметила что-то необычное в своём настроении: лёгкая грустинка, подобно первым жёлтым листьям на деревьях, витала и кружилась вокруг неё. Луч солнца, тень, луч солнца, тень... Она удивлённо наблюдала за происходящим, не заметив, что остановилась. Неожиданно в её мир ворвался негромкий, но сильный мужской голос: «Вера – это как парус!»

Раннее утро. Откуда в этом уголке парка, где даже днём довольно безлюдно, люди? Она внимательно огляделась и за кустами увидела живую картину «Завтрак на траве». Трое мужчин сидели за традиционно накрытой газеткой: бутылка, стаканы, буханка чёрного хлеба, кусок колбасы. Говорил сидевший спиной к ней, а двое других слушали его с таким видом, что она едва не расхохоталась, настолько уморительно всё это выглядело.

– Да-да, вера – что парус, – повторил говоривший. – Парус должен быть правильно выбран. Чувствуете, слово-то какое? Выбран! Выбран, как путь, путь жизни. Да! Так вот. Если парус отпустить, то он будет бол-

---

Назарова Нина Павловна родилась в 1951 году в Подмосковье. Живёт в Москве. Образование высшее (химик-технолог). Писать начала в начале 2000-х гг. В основе творчества – небольшого формата новеллы романтического и притчевого содержания, зарисовки о природе, стихи. Главное в них – любовь, вера, надежда на сохранение нравственных качеств человека.

Учится на актёрском курсе московского Театрального центра «Станиславский». Ведёт клуб «Друзья поэзии».

таться, как тряпка, и даже может стать причиной гибели судна. Да, да, именно так. Вы думаете, почему в бурю приказывают убрать паруса? Да если они неправильно стоят, то тебя так положит, что мало не покажется, или, не дай Бог, перевернёт. Попадёшь в такую передрагу... только Богу молиться и останется. Вот я и говорю, что парус – это твоя вера. Выбрал его правильно, и судно летит – не догонишь, чуть ослабил внимание – и сорвался. Вновь ветер ловить... А это, скажу я вам, не очень-то просто и легко. Ну да ладно, с Богом, мужики, вздрогнем. За правильно выбранные паруса по жизни! Ну, милая-я-я...

Раздался глухой звук наполненных стаканов, секундное сосредоточенное молчание и одновременный тройной выдох «Х-ха-а-а!»

Люба неслышными шагами отошла подальше и, уже не таясь, громко позвала свою собаку, обрадованную неожиданной свободой и весело гонявшую голубей по аллее. Возвращаясь после более длительной, чем обычно, прогулки домой, Люба всё ещё находилась под впечатлением от увиденного. Фраза «Вера – парус твоей жизни» звучала в ней непрестанно. Она сама словно становилась парусом своей судьбы. Это новое ощущение радовало её и несло к новым горизонтам, преодолевая все страхи, сомнения и всяческие нескладухи жизни.

Прошло несколько дней. Люба, гуляя с собакой по парковым аллеям, проходя мимо уже знакомого места, заметила, что с ней что-то происходит. Сегодня это «что-то» остановило её. Она успела отметить, что к привычному чувству лёгкой грустинки, всегда появляющемуся именно здесь, примешалось столь же лёгкое неприятие, отторжение чего-то.

«Странно, – подумалось, – что же такое я так не хочу принять?»

И вдруг началось спонтанное путешествие в прошлое.

Три года как она рассталась с мужем. Быстротечные три года и долгие двадцать лет... Интересно, время в одном случае пролетело птицей быстрокрылою, а в другом тянулось, как, как... Да какая разница как, просто ждётся не дождёшься пока это «что-то» закончится. Вот и она долгие двадцать лет жила с чужим для неё, по сути своей, человеком, как, возможно, многие женщины. В юности мечталось: «Мы с ним...» В прозе жизни оказалось – всё только она. Как в частушке: «Я – и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Всё тянула на себе. Какое-то малое время она была дома с детьми, но потом вынуждена была пойти на работу из-за нехватки денег. Муж пил, помощи от

него никакой, кроме постоянных претензий на ублажение. «Откуда это у наших мужиков – ничего не делать, а желать получить всё? Да сами мы, бабы, и виноваты. Вероятно, после войны так пестовали оставшихся в живых мужчин: “хоть какой, но лишь бы был”, что у них произошли изменения на генном уровне, спились от радости».

Что только она ни перепробовала, чтобы отвадить своего от проклятой водки. Всё бесполезно. При ней – нормальный мужик с золотыми руками и головой, чуть с глаз долой, как скажется. И дети на это смотрели, её постоянная боль. Потому и бесконечно долгими показались эти двадцать лет. Ждала всё, вот дети вырастут... Воистину, «добро причинила» – имидж пьяного отца и мужчины им был вовсе ни к чему. Но, слава Богу, выросли хорошими людьми, создали свои семьи. Живут дружно, мирно, как ей виделось про себя. А вот три года назад будто щёлкнуло внутри – всё, хватит. Разошлись.

Господи, как же, оказывается, можно сказочно жить! У неё будто иная жизнь началась. Да не будто, а действительно иная. Появились новые друзья, люди близкие по духу. Книги начала читать такие, о которых раньше даже и не слышала, книги мудрости. Да и у неё проявились способности творить словом и красками. Дни наполнились смыслом познания мира и себя в нём. Это стало величайшим открытием для Любы. Времени не хватало на всё, жизнь шла «взахлёб». Но наряду с этим произошло и вовсе что-то мистическое. По целому ряду знаков и другой информации выходило, что ждёт её важное событие – создание звёздной пары. Ни больше ни меньше. Конечно, не верилось, что такое может с ней случиться, но надежда, мечта всё же затаились глубоко-глубоко и ждали своего часа.

Неожиданно в мир её мыслей ворвался негромкий, но сильный мужской голос. Знакомый голос! Сердце её будто остановилось. Она поняла, что все эти дни неосознанно ловила его в звуках парка и, не услышав, уходила домой с чувством щемящей пустоты внутри. Это стало для неё шоком ещё и по другой причине. Из потаённых глубин сердца вырвалось чувство, что ЭТО произойдёт сейчас.

– Парус, порвали парус, каюсь, каюсь, каюсь, – голос был с хрипотцой и весьма похож на авторский, Высоцкого. Чувственное исполнение захватило её сопереживанием и она как зачарованная пошла на него. Маленькая полянка, на бревне лицом к ней сидел с отрешённым видом мужчина. Он пел, не замечая ничего вокруг. Песня жила в нём и вела по своим событиям: «А у дельфина вспорото брюхо винтом, вы-

стрела в спину не ожидает никто». Внезапно он замолчал, его голова упала на грудь, а у неё от чужой боли сжалось сердце.

Выстрела в спину не ожидает никто... Да, он действительно не ожидал того, что с ним случилось. После окончания морского училища получил назначение в Севастополь. Чёрное море зовёт! Прощайте, Питер и Москва! Распределили его на современную лодку. Практически всё время в походах. В одном отпуске познакомился с красавицей, в другом – женился на ней. Медовый месяц оказался действительно медовым. Таким счастливым он не был никогда. Будущая жизнь рисовалась в воображении только светлыми красками. Родилась дочь. В их доме стало два солнышка. Как же он скучал о них в длительных походах, фотографии каждый день зацеловывал. Но «наша служба и опасна, и трудна». Не все женщины выдерживают долгие разлуки. Его ситуация не исключение. Однажды на корабле случилось ЧП и поход закончился раньше запланированного времени. Он «летел» домой. Да, впрочем, всё банально, и слова все избиты, что повторяться. Ушёл, не взяв ничего. Уволился с флота, уехал в Москву, «где родился, там и пригодился». «Пригожусь ли? – думал он. – Парус, порвали парус, каюсь, каюсь, каюсь». Не пригодился.

Да, не справился. Пошёл по «лёгкому» пути, да и дружки подмогли забыть-залить горе-измену. В Москве мореходная профессия не в чести, потому и перекантовывался то там, то здесь. Не принимала Москва-родина его ни с какого бока. Жить есть где, да только дом такой пустой, что и заходить в него тошно. Сошёлся с одной женщиной, ей только деньги подавай. Другая на вино оказалась слаба, а он терпеть не мог пьяных женщин. Потом и вовсе перестал верить им. Но при этом где-то внутри жило в нём присутствие той единственной, ради которой и на земле родился. Искал он её, искал, но не находил. От этого ещё пуще тоска брала за душу, только «беленькая» и помогала забыться на время. А посему тянуло на улицу встретиться с друзьями... Так всё быстрее и быстрее, ниже и ниже катился он, словно азарт им овладел, и не отпускала мысль: дойду до дна-донышка, погляжу, каково там, а потом выскочу, обязательно выскочу. При этом он чувствовал, что спивается, и всерьёз забеспокоился: «Не игра это вовсе, выдюжить бы, вырваться, поймать свою волну и ветер».

А сегодня словно неведомая сила подняла и погнала его в парк. На душе тошно так, что жить не хочется. Видно, край совсем рядом. Да и силы все, кажется, закончились. «Парус, порвали парус...»

– Что же, дружище, видно, в ключья разнесло ладью-то твою? Не совладал с волной, без парусов остался. Сам их и разодрал. Чем теперь ветер ловить будешь? А может, новые паруса, алые, сошьёшь? Али отказываешься искать ладушку свою наречённую? – словно кто-то говорил в нём.

«Да что же такое сегодня со мною?»

И вновь Высоцкий: «Каюсь, каюсь, каюсь. А у дельфина вспорото брюхо винтом. Выстрела в спину не ожидает никто».

«Откуда Володя мог знать всё про меня?! Выворачивает наизнанку, вспарывает моё брюхо словом своим. «Каюсь, каюсь, каюсь!»

Неожиданно он закричал в голос:

– Господи! Господи! Помоги! Не могу больше! Не могу! Грудь разрывается! Пошли, Господи, пошли...

От его крика она тоже громко вскрикнула. Он поднял голову и замер с открытым ртом: «Послал...» Они замороженно смотрели друг на друга. Произошло моментальное узнавание, будто тысячи жизней пронеслись перед ними. Он осторожно встал и шагнул к ней. Их глаза уже не отпускали взгляда друг друга, боясь, что всё это окажется только видением.

– Ты!

– Ты!

– Нашёл!

– Нашла!

Им открылась истина любви: Я – для тебя, ты – для меня. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу. Воспоминания о прошлой жизни растаяли. Они увидели себя чистыми каплями воды, слившимися воедино. Их корабль поднимал паруса и, правильно выбранные, они понесли их к исполнению предначертанного.

Александр Грин не обманул. В далёком детстве они поверили в его сказку о прекрасной встрече с любовью. Тогда алые паруса казались несбыточной мечтой. Но всё зависит от нас!

Они не предали мечту! Корабль нёс их по океану Жизни. У руля стояли, взявшись за руки, два счастливых человека. Теперь они твёрдо знали, что паруса их Веры всегда будут целы и наполнены попутным ветром, победно призывающим:

– Жизнь, полный вперёд!

РОБЕРТ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Незайка в стране лжецов

1

— Знаете, я с подозрением отношусь к людям, которые пытаются выделиться из толпы за счёт своего внешнего вида, будь то одежда, причёска, поведение, ещё что-нибудь. — Николай Петрович медленно обвёл взглядом аудиторию. — Ни о ком персонально не говорю (пока что), но не советую никому так поступать.

— Может быть, это внутренняя свобода так прорывается, — поправляя очки, заметила брюнетка в плотно облегающем пиджаке, сидящая в первом ряду.

— Думаю, что свобода — она на то и свобода, что её не нужно никому предъявлять или доказывать: «смотрите, какой я свободный!» А если она тебе не в радость до тех пор, пока другие её не подтвердят, не одобряют или не признают, — значит, ты от их мнения зависишь. Какая же это свобода? Это дешёвая игра на публику, выпендрёж.

— Но ведь может быть так, — задумчиво сказала белокурая девушка с предпоследнего ряда, — что человек выпендривается перед кем-то конкретно, а мнение других ему безразлично.

— Да. Театр одного зрителя, — кивнул Николай Петрович. — Свобода от одних и зависимость от других. Сегодня не буду развивать

Нижегородцев Роберт Михайлович — член Союза писателей России (Московская городская организация).

эту тему, хотя здесь есть о чём поговорить. Может быть, мы ещё к этому вернёмся. Скоро перерыв, да? – он взглянул на часы. – Ну что ж. Как говорят в народе, вот и сказочке конец, а кто слушал – всем крындец.

Студенты дружно засмеялись.

– Да, жестковато, – улыбнулся высокий рыжеволосый парень, – какая-то сказка с не очень счастливым концом.

– А вы доживите до конца-то, тогда и спробуйте у него: счастливый он или нет.

Некоторые из сидящих в аудитории засмеялись громче.

– Кое-кто доживёт и обязательно проверит, – с широкой улыбкой сказал хрипловатым голосом мускулистый брюнет. – Но я подумал вот что, если позволите.

– Да, конечно, – отозвался Николай Петрович.

– Может быть, человек выбирает одежду или причёску похлеще не для того, чтобы выделиться, а просто считает, что этот образ ему подходит.

– Сразу скажу, – заметил Николай Петрович, – что в вопросах моды и стиля я полный лохдаун.

Студенты снова засмеялись.

– О! – сказала кудрявая блондинка с лисьими глазками. – Впервые встречаю столь неожиданный псевдоним.

– Да. Полный лохдаун, – повторил Николай Петрович. – То есть полный лох и полный даун. Такой лох-даун, через дефис.

– Круто, – сказал молодой человек плотного сложения в застиранном вязаном свитере. – Есть люди, которые выделяются из толпы потому, что хотят вызвать определённое мнение о себе. А есть люди, которым это мнение безразлично, именно этим они и выделяются.

– Совершенно верно, в точку. Лично мне наплевать, что вы обо мне думаете, – пожал плечами и тоже наконец улыбнулся Николай Петрович. – Мне глубоко фиолетово. Deep purple, выражаясь по-английски.

Студенты притихли.

– Я пришёл сюда не для того, чтобы кого-то развлечь или потешить. В идеале вы вообще не должны обо мне думать. Вы пришли сюда за знаниями, о них и думайте. Кстати, у вас что-нибудь проясняется в голове вообще после наших бесед?

– Ну... кое-что. Для того сюда и ходим, – отозвались последние ряды.

– А-а-а... – разочарованно протянул Николай Петрович. – А я думал, вы ходите для того, чтобы было кого потом обвинить в отсутствии знаний. Когда готовишься сам, то и винить как бы некого. А когда ходишь на обзорные лекции, то вот вам и виновник.

Ребята хихикнули.

– Кстати, кто из вас читал Сартра, «За закрытыми дверями»? Поднимите руки.

Поднялось четыре руки.

– Маловато. Прочтите, это совсем небольшая пьеса. На худой конец, посмотрите телеспектакль, он вывешен в интернете, – по крайней мере одну русскую постановку я там точно видел. Это такое лёгкое (ну, может, не очень лёгкое) упражнение на принятие самих себя, и его так и не может пройти ни один из персонажей. Основная проблема не в том, как человеку выйти из ада: оказывается, это проще простого. Проблема – как сделать, чтобы ад вышел из человека. Вот это, я вам скажу, задачка. До тех пор, пока ты думаешь, что ад – это другие (именно так говорит один из героев), пока ты ищешь в других корень своих проблем – ты неизлечим. Как человек мыслит – так он и живёт. Так что и ад, и рай, и всё остальное, дорогие мои, в вас самих. Пока не поймёте это – экзамен мне не сдадите. Это шутка. Десять минут перерыв.

2

Молодая девушка Ира курит у входа в метро. Николай Петрович подходит почти вплотную, смотрит на неё и улыбается. Она улыбается в ответ.

Он говорит:

– Ты знаешь, у тебя классные ноги.

– Я в курсе.

– Они будут потрясающе смотреться на моих плечах...

Он подходит вплотную и целует её. Она отвечает на его поцелуй, у неё перехватывает дыхание. После недолгой игры губами он отрывается от неё и шёпотом произносит:

– Пойдём ко мне.

– Пойдём.

– Сейчас, ещё затяжка, – он снова прильнул к её губам.

3

Знаешь, есть одна восточная притча. Купец, узнав о том, что его друг детства стал губернатором целой провинции, пришёл к нему во дворец. Друг, не видевший его много лет, радушно принял его и спросил, зачем пожаловал. Купец честно рассказал о том, что оказался в большом убытке, когда вложил деньги в товары, погрузил всё это на корабли, а эскадра попала в шторм, и всё погибло.

Губернатор выслушал его и сказал:

– Понятно. И чего же ты хочешь?

Купец сказал:

– Хочу быть градоначальником. Поставь меня управлять городом, ты ведь знаешь, на меня можно положиться.

Губернатор подумал и ответил:

– Я выполню твою просьбу, но позже. А сейчас твоя задача – пасти овец. У тебя будут помощники, жить будешь на всём готовом, об этом не волнуйся. А задача простая – утром выгонять овец на пастбище, вечером загонять домой.

И распорядился выдать ему сто овец, на прощание сказав:

– Через месяц приходи, расскажешь, как у тебя дела.

Через месяц купец-пастух пришёл. Губернатор спрашивает его:

– Как поживают твои овцы?

– Нет у меня больше овец. Моровая язва всех убила.

– Ладно, – сказал губернатор. – Дайте ему ещё сотню. Через месяц снова жду тебя.

Месяц спустя купец рассказал, что от его отары осталась примерно четверть, остальных порезали волки и другие хищники.

– Ладно, – сказал губернатор. – Снова сделайте, чтоб была сотня. Ещё через месяц приходи.

Так пролетали месяцы, и где-то через год купец сообщил, что у него всё хорошо, отара разрослась до двухсот овец.

– Хорошо, – сказал губернатор. – Теперь назначаю тебя мэром большого города.

– Но почему, – спросил купец, – почему ты так долго откладывал это решение?

– Сейчас я вижу, что неблагоприятный период в твоей жизни завершился. А если бы я отдал тебе город год назад, когда ты об этом просил, то сейчас его бы не было на карте.

4

– Джей, я забыла, у тебя ведь нельзя курить?

– Конечно, нельзя, особенно в семь утра, – улыбнулся Николай Петрович.

– Тогда почему ты меня не останавливаешь? – глубоким, сонным голосом спросила Ира, выпуская дым изо рта.

– Во-первых, это бессмысленно, – пожал плечами Николай Петрович. – Ты всё равно делаешь то, что хочешь.

– А во-вторых?

– А в двадцать пятых, мне скоро уходить. Не пасти же тебя весь день, чтоб ты не дымила в комнате.

– Не поняла, Джей, ты куда собрался?

– На работу, представь себе.

– Так сегодня вос... ну да, воскресенье...

– Воскресенье у меня было в среду.

– А сегодня тогда что?

Николай Петрович развёл руками:

– А сегодня приехали заочники, надо работать.

– А я хочу с тобой!

– А поехали.

5

Юности Ганина воскресить нельзя, как не воскресить былой России, как не воскресить царской семьи, расстрелянной в Ганиной яме под Екатеринбургом. Можно вспоминать о том, какой была Россия прежде, можно её любить или ненавидеть, проклинать или превозносить в романтических грёзах, – но реальность состоит в том, что той, прежней России больше нет.

Сама его фамилия – это намёк на безвозвратную утрату, на прикосновение к тому, чего уже быть не может.

Самый смешной персонаж в романе – это Ганин. В течение всего действия он единственный, кто не делает ничего, просто медитирует. Подтягин бьётся над получением визы, Колин и Горноцветов ищут ангажемент, Алфёров работает и обустроивает свою жизнь, Клара стучит с утра до вечера на ненавистной ей пишущей машинке. Один Ганин ничем не занят. Правда, нам сообщают о том, что по приезду

в Берлин он успел поработать санитаром, официантом, а когда-то немного повоевал в Польше. Но реально на протяжении действия он не делает ничего.

Все его мечтания типа «я буду работать для неё» – это всё фигня, чушь собачья. Вроде его былых надежд, которыми он делится с Подтягиным: думал – поеду в Петербург, подниму восстание – куда там!.. Чтобы поднять восстание, нужно найти людей, готовых в нём поучаствовать, а он сам себя найти не может. Вот так же смешны и его мечтания о Машеньке: они беспочвенны, они не имеют опоры в реальной жизни.

Каждый из набоковских героев ощущает собственную ничтожность, нелепость, несвоевременность и неуместность, и только Ганин самому себе кажется очень значительным и важным, – именно тем он и смешон. Набоков на самом деле *смеётся* над напыщенной, искусственной глубокомысленностью Ганина, когда тот заявляет: «цифра и цветок». Не Алфёров здесь смешон, а он, Ганин. А как вы думаете, Алфёров, дважды за один вечер назвавший Ганина Глебом Львовичем, ошибается или издевается? Когда Ганин кричит: Лев меня зовут! – Алфёров над ним откровенно потешается, а вместе с ним, может быть, и сам Набоков.

Характерно, что у Подтягина хватает сил для самоиронии, когда он заявляет, что все эти волны и берёзки, о которых он когда-то писал стихи, – это чепуха. И он, Подтягин, поняв, что ничего, кроме подобной же чепухи, у него не получится, имеет мужество перестать писать стихи, потому что они ему самому уже не интересны. А Ганину, который и есть подлинная посредственность, эти стихи в своё время казались откровением, наполненным глубоким смыслом. И Ганин как в юности не видел, что это чепуха, так не видит этого и сейчас. А как сам Набоков относится к этим стихам Подтягина, как вы думаете?

Каждый из обитателей так называемого русского пансиона интереснее и значительнее той жизни, которой он живёт. И только Ганин ничем не интересен, кроме своих воспоминаний, да и они, если разобраться, абсолютно банальны. Разумеется, подмывает сказать, что он-де – тонко чувствующая натура, он искренен и способен на настоящее чувство, но на протяжении сюжета мы этого как бы не наблюдаем. В чём же эта искренность, эта подлинность чувства? Он просто незрелый человек, который юношеские грёзы и видения так

и не перерос, а продолжает их упорно воссоздавать, в расчёте на то, что они обретут плоть с приездом Машеньки.

А в результате он оказался неспособен даже на то, чтобы просто посмотреть ей в глаза. И он второй раз на протяжении сюжета от неё отказывается. Один раз ему вроде бы кажется, что сюда кто-то идёт. А второй раз что ему кажется?

Ключ к пониманию ситуации в том, что он не её испугался, а сам себя. И вот этому человеку, который сам себя боится, нет места в реальной жизни. От Машеньки-то он может убежать, как бы она ни хотела ему принадлежать, а от себя-то не убежишь – ни в Берлин, ни во Францию, никуда.

Забавно, что он реализует мечту Подтягина, покидая Германию. Нам не показывают, куда он направился (может быть, и в Париж), но ведь это абсолютно неважно. Он направляется в очередной побег от самого себя. И если его судьба – всю жизнь от себя бегать, от своих желаний, от своих действий, от готовности взять на себя ответственность хотя бы за что-нибудь, – то это и есть прямой путь к деградации, к его, Ганина, яме.

6

– Ира, тебе понравилось?

– Да, это ещё круче, чем я ожидала.

– Ещё скажи, что хочешь у меня работать...

– Хочу.

Николай Петрович улыбнулся кривой, несимметричной улыбкой.

– Пиши заявление на полную ставку.

– А кем?

– Пока ассистентом. У тебя профильное высшее, так что иди и работай.

Через неделю вышел приказ о её принятии на работу.

– Джей, мне с тобой интересно, – слегка закусив нижнюю губку и глядя ему в глаза, сказала Ирина.

– Я очень рад.

– Можно, я посижу на твоих лекциях, поучусь уму-разуму?

– Пока посиди на моих коленях и поучись уму-разуму.

– О-о-о-о! этому разуму я давно научилась, спасибо тебе. А как насчёт лекций?

– Конечно, можно. Более того, на экзамене ты тоже посидишь и сама увидишь, какие всходы дают обзорные лекции.

– Классно! – Ира бросилась на шею Николаю Петровичу.

И с тех пор ни одной его лекции на этом потоке не пропустила.

7

– Подумайте, почему из всех значимых героев «Анны Карениной» автор убивает именно Анну и только её. Чем она так не вписывается в окружающую её жизнь?

– В самом деле... – уставившись перед собой, откликнулась рыжеволосая девушка с первой парты. – Даже Вронскому не удалось застрелиться.

– Да что Вронский! – изобразив досаду, махнул рукой Николай Петрович. – Не смог свести счёты с жизнью – теперь жизнь будет сводить счёты с ним, ха-ха. Автор, правда, в итоге отправляет его на сербскую войну, оставляя ситуацию открытой, но этот персонаж уж точно не кандидат на заклятие. А знаете почему? Он самому Толстому перестал быть интересен. Какая разница, что с ним будет дальше? После гибели Анны это, в принципе, уже неважно.

– А кто кандидат на отстрел – Каренин, что ли? – спросил кудрявый тёмно-русый парень с предпоследнего ряда.

– Нет, – покачал головой Николай Петрович. – Каренин – очень цельная личность. Он хотя бы самому себе не врёт, а в такой компании, которая сложилась в этом романе, это качество дорогого стоит! Каренин честно вразумляет Анну: что у тебя на душе – вопрос двадцать девятый, а общественное мнение не будоражь, изволь хотя бы внешне вести себя прилично. Зацепившись за это, критики всех мастей в один голос твердят: вот, дескать, ему всё равно, что у неё на душе. А он ведь совсем не это сказал, ему не всё равно, но нельзя не думать о том, как на тебя посмотрят другие. По крайней мере, позиция Каренина именно такова, и в этом он совершенно последователен.

А Анна и Вронский демонстрируют мнимое безразличие: ты моё всё, и наплевать, что о нас подумают или скажут, чмок-чмок-чмок... А как только вышли в свет – сразу и оказалось: нет, не наплевать. Не нравится нам, когда о нас гадости говорят, причём практически в лицо. Вот это враньё самим себе немедленно разоблачается, при первом же столкновении с жизнью.

И Толстой ставит вопрос: а есть ли вообще люди, свободные от так называемого общественного мнения? Которым действительно наплевать? Это, кстати, центральный вопрос всего романа, если угодно. И автор даёт ответ: да, есть такие люди, они выглядят и ведут себя примерно так, как Лёвин. У него внутри есть свой камертон, свои представления о том, что правильно, что неправильно. А мнение других ему мало интересно. Вот он истинный, а не мнимый пофигист. Причём он не то чтобы идёт наперерез чужому мнению – в нём совершенно нет дурацкого нарочитого протеста – просто он не сильно задумывается о том, насколько его поступки чьему-то мнению (или каким-то правилам) соответствуют.

Но в этом же и его слабость, как ни странно. Мы застаём Лёвина в тот момент, когда он влюблён и хочет добиться взаимности, хочет понравиться, а как это сделать – он не знает, потому что не делал этого никогда. – Николай Петрович развёл руками. – Здесь он совершенно беспомощен. То, что для других легко и вообще само собой разумеется, для него нереально сложно. И не найдись рядом такой Кити, которая проглотила его вместе с крючком, леской и грузилом, да ещё переехала жить к нему в деревню, – ходить ему бобылём.

Николай Петрович оглядел аудиторию и спросил:

– Какие вопросы ко мне?

– Не знаю, может, вы меня не поддержите, – сказал кудрявый парень, сидящий в предпоследнем ряду, – но я бы там ещё пару персонажей точно пришил.

Студенты засмеялись, и Николай Петрович вместе с ними.

– Да, Андрюша у нас кровожадный, – улыбнулась брюнетка в розовых очках с видом отличницы. – Ему прям Гамлета подавай.

– Кстати! Знаете ли вы, – сказал Николай Петрович, – что автор, убивающий своего героя, испытывает угрызения совести – ну не такие мощные, как если бы это было взаправдашнее убийство, но что-то вроде этого. Так что насчёт расправы с персонажами не советую торопиться. К тому же, согласно верованиям древних гангстеров, души убиенных бродят по земле, – Николай Петрович втянул голову в плечи и понизил голос, – и достают тех, кто стал причиной их смерти, пока последнего из них не сведут в могилу, после чего навсегда успокаиваются в бессмертном Царстве Блаженных. – Он снова распрямился и обрёл свой обычный голос. – Так что прежде, чем кого-то пристукнуть, подумайте – стоит ли оно того?

– А можно вопрос не по теме? – вытянул руку любопытный паренёк с короткой стрижкой светло-русых волос.

– Конечно.

– Николай Петрович, а на экзамене будут тестовые вопросы?

– Конечно нет! – Николай Петрович слегка вскинул брови.

– А там, в программе учебной дисциплины, которая на сайте висит, указано, что они должны быть на экзамене, а вы ничего об этом не говорите.

– Я же сказал: таких вопросов в билетах не будет. Не-бу-дет. – Он ещё раз с расстановкой произнёс последние три слога. – Обычный устный экзамен, два вопроса в билете, полчаса готовитесь, потом отвечаете. Что непонятно?

Но парень не унимался:

– А почему не будет теста? По другим предметам они есть, и там как-то попроще.

Николай Петрович обвёл взглядом аудиторию, которая выжидающе смотрела на него, и спокойно, без эмоций, среагировал.

– Если хотите – объясню, почему не будет. Я считаю, что отвечать на вопросы с заранее заданными ответами должно быть грустно и унизительно для любого нормального человека, если он не клинический дебил. Где вы в жизни видели, чтобы перед вами ставилась задача и сразу давались ответы к ней? Да ещё в ситуации, когда «правильный» – только один. Разве так бывает в жизни? Нет, не бывает. Любой человек, способный к доказательному логическому мышлению, должен, по меньшей мере, недоумевать и испытывать моральный дискомфорт, когда перед ним ставят подобный вопрос.

Он снова оглядел разные части наклонной лекционной аудитории, в которой притихли студенты, и продолжал:

– Представьте себе, у вас спрашивают: любите ли вы мышей? Варианты ответа: первое – да, потому что я кот; второе – нет, потому что они невкусные; третье, – Николай Петрович слегка почавкал, посмотрев на потолок, – ещё не распробовал, затрудняюсь ответить.

Студенты сделали вид, что засмеялись.

– Вот примерно так устроены тесты, которые вам предлагают пройти. Для нормального студента подобный вопрос – это оскорбление, а специалист в соответствующей области, встретив такую эманацию Абсолютного Духа, просто пожмёт плечами и мимо пройдёт, чего и вам желаю.

8

– Джей, а куда мы идём?

– На выход, куда ж ещё.

– О-о-о-о, как интересно... Бэ и Мэ Лубянка... А нам нужно Бэ или Мэ?

– Нам ни бэ ни мэ, нам Библио-Глобус.

Оказавшись в книжном магазине, Николай Петрович сразу повёл Ирину к нужному стеллажу.

– Муромский педагогический... – Ира посмотрела на титульный лист книжки, которую Николай Петрович снял для неё с полки. – Джей, ты не помнишь, кто там у них специалист по Тургеневу, на «ша» фамилия?

– Пашкарёв.

– Точно, Пашкарёв... – Ира покачала головой. – Ну и память у меня... Тоже мне, на «ша» фамилия!

– Ну конечно, на «ша», – улыбнулся Николай Петрович. – Просто эта буква стоит не вначале.

На пути домой они немного прошли по центру пешком.

– Кстати, почему ты ушла от своего Саши?

– Он стал меня Зайкой называть.

– Ну и что?

– Как это «ну и что»? – Ира возмущённо пожала плечами. – Ты же знаешь, я не Зайка!

Николай Петрович наклонил голову, будто заметил в Ирине что-то новое.

– Незайка. Красивое имя.

Ира махнула рукой:

– Да! И главное – ни с чем не спутаешь.

– Так что в следующий раз можешь так и представляться.

– Это как-то экстремально, Джей, люди сразу разбегутся.

– Зато правдиво, и сразу понимаешь, чего от тебя ожидать. Ты к нему не вернёшься?

– Конечно нет! Хватит уже глупости делать, – закуривая на ходу, задумчиво сказала Ира.

– А я считаю, что глупостей в жизни можно делать сколько угодно – лучше только не делать их все одновременно.

Ира взглянула исподлобья на Николая Петровича.

– Ладно, ты меня убедил. Ща отогреюсь в твоих руках, отдохну немного и снова продолжу.

Они оба рассмеялись.

– А ты разве мало глупостей сделал в жизни, скажи честно!

– Смотря какие глупости, – подумав, отозвался Николай Петрович. – По части безумных поступков я большой специалист, ты хорошо это знаешь. А вот бессмысленных поступков не люблю и почти никогда их не делаю.

– Слушай, ты такой ваще правильный, охренеть, – мечтательно сказала Ира. – Не то что я со своей кучей вредных привычек.

– Из твоих вредных привычек самая вредная – это привычка думать. Остальные приносят тебе меньше вреда.

Ирина докурила, и они зашли в кафе.

– Джей, а почему ты сразу сказал, что наши с ним отношения продлятся недолго?

– Ну потому что они слишком несимметричны. Один убегает, другой догоняет – что за жмурки дурацкие? Вопрос только в том, кто первым устанет – тот, кто насаждает, или тот, кто ему уступает. Кому из них раньше надоест эта невзаимность? Ты для него любимая женщина, а он тебе никто – такое долго не продлится.

– А я думаю, – выразительно сказала Ира, подчеркнув слово «я», – что мужчина и должен добиваться женщину, с которой он хочет быть. Знаешь, есть такая теория, что оба сразу любить не могут: один любит, другой позволяет себя любить.

– Ну вот поэтому у тебя ничего и не выходит, – развёл руками Николай Петрович. – Лично для меня близкие отношения – это не какая-то отдельная область жизни, это просто продолжение разговора, только другими выразительными средствами. Когда говорят друг с другом не словами, а разными частями тела. Поэтому близость, в которой один любит, а другой его терпит, похожа на диалог, в котором один только приказывает и распоряжается, а другой думает, как эти команды выполнить или как от этого откосить. Вот такой разговорчик получается, представь себе.

– Странно, что мы с тобой раньше об этом не говорили.

– Да можно подумать, ты бы в жизни что-то сделала по-другому. Так вот поэтому я не верю в невзаимные отношения. Люди могут быть неравными по возрасту, по социальному положению, по жизненному опыту и так далее, и ничто из этого не фатально, само по

себе это не приводит к разрыву. Но эти двое должны быть одинаково заинтересованы в том, чтобы отношения между ними были. Ну или одинаково НЕ заинтересованы – такие союзы тоже могут длиться десятки лет. Но так, чтобы один всё время добивался, а другой от него шарahalся – такой союз быстро развалится.

9

– Имейте в виду, с положительными героями в русской литературе всё как бы не очень просто. Возьмите «Горе от ума». Единственный положительный герой – Чацкий, и все комментаторы наперебой твердят, что Софья, эдакая мещанка-обывательница, не оценила глубины его чувства (и, кстати, этой глубины мы по ходу сюжета не видим) и одарённости его натуры. О ужас! Она предпочла Молчалина – во всех отношениях заурядного, посредственного человека. Допустим, можно согласиться с тем, что умеренность и аккуратность – не лучшие мужские качества. Но ни один учебник до сих пор не объяснил, почему женскому сердцу должны быть милее заносчивость и нетерпимость.

Обратите внимание, в чём именно Софья обвиняет Чацкого? В чёрствости и злословии, в том, что от него доброго слова не дожидаться, даже случайно. И в самом деле, Чацкий только обличает и высмеивает, но взамен ничего не предлагает, у него нет позитивной программы, альтернативы нет. Он только взял рупор и громко объявил, что вот это – то, что он видит перед собой, – не годится, это всё неправильно. Нормальный человек спросит: а как правильно? Как всё то же самое можно организовать и решить по-другому? А ответа у него и нет. Ну и к чему этот пафос, это ребячество в исполнении взрослого человека? И к тому же логично, что он сам в конце концов становится жертвой злословия, – своеобразный принцип бумеранга.

– Прикольно, – пробормотал молодой брюнет плотного сложения. – Никогда не слышал, чтобы этот сюжет вот таким образом объясняли.

– Разумеется, я не принуждаю никого из вас думать так, как думаю я, – заметил Николай Петрович. – Всего лишь упражненьице на расширение сознания. Предлагаю вам один из вариантов трактовки, который лично мне наиболее близок. Попробуйте посмотреть на

знакомых героев с другой стороны. А с Чацким вообще всё просто: начинаешь шипеть – притягиваются змеи, залаял – собаки сбегаются. И так далее. С ним ровно это и случилось. Другое дело, что Чацкий злословит по-чацки – громко и открыто. А его окружение злословит о нём исподтишка, за его спиной, то есть так, как эти люди привыкли делать. Но это уж, сами понимаете, – кто на что учился.

– Так, может, это Софья – положительная героиня? – сказала коротко стриженная брюнетка с предпоследней парты. – Что-то я совсем сбилась с толку.

В разных частях аудитории слегка захихикали.

– Знаете, – подумав, отозвался Николай Петрович, – я вообще не люблю делить героев на положительных, отрицательных и непонятно каких. Я просто рассказываю истории, кому интересно – послушайте. А Софья, по крайней мере, выгодно отличается от всей толпы тем, что высказывает Чацкому в лицо свои недоумения и претензии – вероятно, по старой дружбе, в память о том времени, когда они ещё были откровенны друг с другом. Фамусов, конечно, тоже кричит: «Не слушаю, под суд!» – но он просто отвергает логику Чацкого, не объясняя ему, в чём именно он неправ, а Софья хотя бы попыталась. Она честно хотела до него достучаться, и лишь когда убедилась в том, что он её не слышит, запускает о нём грязную сплетню. Эта сплетня радостно подхватывается людьми, которые его недолюбливают, маховик раскручивается и выбрасывает Чацкого из гнезда. The end.

– Так что ж, получается, в русской литературе и положительных героев не найдёшь? – отозвался рыжеволосый студент с веснушками на лице.

– Ну почему, – улыбнулся Николай Петрович. – Таких героев сколько угодно, например, в русских народных сказках. Ну и в прочих фантастических конструкциях в духе Чернышевского или Александра Грина.

– А что вы имеете против Александра Грина? – встрепенулся светло-русый коротко стриженный парень.

– Да в общем, я не против, только нарисованные им герои скорее дезориентируют читателя, чем служат навигатором по жизни, – по крайней мере, на сегодняшний день это так. Мускулистые, загорелые красавцы с обветренными лицами и буйно развевающимися непокорными волосами – это романтика только на экране.

В жизни люди такого типа громко храпят и рыгают и, как правило, дурно пахнут. И, кстати, у некоторых из них проблемы с законом, которые давно уже не решаются простым пересечением Атлантического океана. Можно, конечно, повздыхать, что вот они, дескать, настоящие мужчины, но строить с ними совместную жизнь всё-таки не советую. Я понимаю, некоторых из вас вдохновляют полупьяные откровения в стиле доктора Астрова о том, что в человеке должно быть всё прекрасно. Но нельзя эти пошлости понимать слишком буквально.

– Да, неожиданно, – сказала белокурая студентка. – Видимо, восприятие одних и тех же типажей сильно меняется со временем.

– Конечно меняется! – откликнулся Николай Петрович. – Когда трёхлетний ребёнок говорит «люблю тебя», это значит что-то одно. Когда двадцатитрёхлетний ребёнок говорит «люблю тебя», это значит совершенно другое. А когда пятидесятитрёхлетний ребёнок говорит «люблю тебя» – это что-то третье. Вот с этими, как вы говорите, типажам – такая же фигня.

Николай Петрович обвёл глазами аудиторию и улыбнулся:

– Как сказал один классик, будто сам Стивен Кинг написал о любви.

– А, извините, это что за классик? – спросила остроносая брюнетка в роговых очках.

– А это из современного, рэпер Баста.

– Так он же рэпер?

– Ну и что же. Он высказал мысль, которая мне нравится. Или вы принципиально против того, чтобы слушать рэп?

– Нет, но лично я против того, чтобы его читать в виде текста, – сказала брюнетка, слегка поправив очки.

– Почему? За что вы его недолюбливаете?

– Да здесь всё просто. Рэп – это вообще не поэзия, это... рэп, – студентка развела руками.

– Извините, но мне не кажется, что это очень просто. – Николай Петрович смешно выпятил вперед нижнюю челюсть и, слегка коверкая слова, произнёс:

– Как гоффорят эти русские, не так ясен пень, как ефо малюют.

Он приободрился и, обведя аудиторию сверкающими глазами, спросил:

– А хотите классический рэп? Слушайте.

И заговорил, раскачиваясь и смешно растопыривая пальцы:

– Жил-был поп, толоконный лоб. Пошёл поп по базару – посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда – идёт, сам не зная куда, куда, куда... Что, батька, так рано поднялся, чего ты взыскался? Ну и так далее.

И, оглядев аудиторию, улыбнулся:

– Вот эти стихи – это поэзия или нет?

Студенты притихли. Николай Петрович продолжал:

– Получается, что когда их читает Николай Олялин или поёт Олег Анофриев, то да, таки это поэзия. А когда их читает Николай Загrevский – нет, не поэзия. А почему? А потому шта-а-а – рэп, понимаешь. Низкое искусство.

Он снова взял паузу и продолжил:

– Маленькая проблемка в том, что это тот же самый текст. И есть соблазн сказать, что грань между поэзией и непоэзией определяется не текстом, а манерой исполнения. Я вас правильно понял? – слегка наклонив голову, улыбнулся Николай Петрович.

Студенты заулыбались, кто-то с задней парты сказал:

– Да, как вы говорите, – задачка.

Николай Петрович добавил:

– Кстати, посмотрите на этот предмет Маяковского, особенно раннего. Его тоже можно кричать как рэп. Подумайте, подумайте над этим. В особенности – те, кому рэп категорически не нравится. Попробуйте понять, что именно вам не нравится в нём. – И, мило улыбнувшись, добавил: – Ближе к экзамену мы это обсудим.

10

– О-о-о-ох... И надо ж было так нализаться, – сказала Ира, переступая порог и почти падая в руки Николая Петровича, – по-моему, сроду столько не пила.

– Дорогая, ты себе льстишь, – ухмыльнулся Николай Петрович, запирая за ней дверь.

– Меня реально тошнит, можешь посмеяться над этим.

– А чему смеяться? Так тебя тошнит от водки, а так тошнило бы от меня – и чем это лучше?

Ира исподлобья взглянула на него:

– Ты неисправимый циник.

– Нет. Просто у меня память хорошая. Кстати, хочешь, угадаю с трёх раз, откуда у тебя это кольцо?

– Ну па-а-апробуй, – Ира слегка зашаталась, но попытка сделать вальяжный жест рукой не слишком удалась.

– Арсений Палыч подарил, – с безразличным зевком сказал Николай Петрович.

Ира встала как столб, придерживаясь рукой за стенку и опасаясь пошевелиться.

– Ты думаешь о том, как я сообразил? Да это кольцо его жены.

– Не поняла, – Ира призадумалась так, что было слышно, как скрипят её извилины в тщетной попытке осмыслить происшедшее. – Ты хочешь сказать, что он снял с жены кольцо и мне подарил?

– Не парься, это предыдущей жены кольцо, она умерла шесть лет назад.

У Иры застыл в глазах немой вопрос, который она не задала.

– Не знаю, солнце моё. Я, видишь ли, не психиатр, для меня чужая душа – потёмки. Может, он таким способом сбывает неликвиды. Текущей жене это всё равно не подаришь, – хотя бы потому, что у неё другой размерчик. Ха-ха.

– Вообще не поняла. – Ирина встала в ступор. – Ты хочешь сказать, он от скуки, что ли, мне это подарил?

– Да нет. Я думаю, ты и впрямь ему сильно понравилась. Обычно он искренен в таких вещах... если не считать мелких увлечений.

Ира нахмурилась:

– Зачем ты его выгораживаешь? – и с почти утвердительной интонацией неожиданно трезвым голосом спросила: – Он ведь неплохой человек?

Николай Петрович пожал плечами.

– Важно, чтобы Ты это понимала. На самом деле он сильный специалист, и работать с ним комфортно, а жить с ним... хм... лично я бы не стал.

Николай Петрович сам улыбнулся своей невольной двусмысленности. Ира оглядела его ухмыляющуюся физиономию и сказала:

– Ещё бы! У тебя, как я помню, стандартная ориентация.

– Я рад, если для тебя это важно, – Николай Петрович смерил Ирину скептическим взглядом, затем взял её за загривок и, притянув к себе её лицо, долго, протяжно поцеловал.

– Знаешь, Джей, – помолчав, сказала Ира, уронив голову на руки, – ты так часто то исчезал из моей жизни, то снова в ней появлялся, что у меня одно время стало рябить в глазах.

– Нужен окулист? – усмехнулся Николай Петрович, медленно снимая с Ирины блузку.

– Я хочу однажды так напиться, чтобы ты наконец развеялся навсегда.

– Для этого не обязательно напиваться, – покачал головой Николай Петрович. – Но ведь ты этого то хочешь, то не хочешь, то мне голову морочишь, то снова не пойми чего затеваешь.

– А кто ж виноват, что ты мне то нужен, то не нужен, то на всю голову контужен, то вообще на край света собрался! – прошипела Ира, помогая Николаю Петровичу освободить её от разных деталей одежды.

– Нет, я так не умею, – он слегка пожал плечами. – Если уж люблю – то до конца.

– Моей маме ты то же самое говорил? – Ира хлопнула длинными пушистыми ресницами.

– Надеюсь, ты не ревнуешь, – с утвердительной интонацией пробормотал Николай Петрович, когда обнажённая Ира почти упала ему в руки.

11

– Можно любить человека безумно, можно весь мир бросить к его ногам. Но это всего лишь ВАШ мир, в котором живёте вы. А рядом есть ещё множество других миров, выстроенных другими людьми, и может статься, что какой-то из них любимому вами человеку нравится больше. В этом нет ничьей вины, просто что-то с чем-то не совпало. И это несовпадение чаще всего превращается в упражнейшн для обоих. А если совпало – это другой упражнейшн, испытание на другую тему. Что слаще – на самом деле неизвестно.

– И это ведь частая ситуация в литературе, правда? – сказал веснушчатый парень из угла аудитории.

– Да, и не только в русской. На эту тему вообще придумано много сюжетов. – Николай Петрович призадумался. – Понимаете, какая штука? Когда вы читаете литературный текст, вы видите перед собой персонажей. А вы на них посмотрите, как на живых людей. Меня

всегда умиляют критические разборы, в которых на основании реплик отдельных героев делаются попытки восстановить, например, чей-то возраст или хронологию прошлых событий. А вы подумайте о том, что кто-то из героев мог ошибиться в своих воспоминаниях, и не будьте слишком доверчивы! Кстати, в мемуарах, написанных реальными людьми, такое нередко случается – автор перепутал какие-то детали: год или месяц, когда произошло событие, или название улицы, или чью-то фамилию. К тому же герой может просто спать и видеть сон, как в сказке Гофмана «Щелбанчик». А автор позабудет нам вовремя об этом сообщить, и мы примем всё, что ему приснилось, за чистую монету. Наконец, персонаж в какой-то ситуации мог просто соврать – например, для того, чтобы его точка зрения выглядела убедительнее. Вспомните Гамлета: и двух часов не прошло, как помер отец, а матушка уж всю веселится. Его, конечно, Офелия поправила насчёт двух часов, но ведь реплики-то из пьесы не выкинешь.

– Ну, вообще-то, Гамлет притворяется безумным, так что ему вроде бы прощательно преувеличить, сдвинуть какие-то акценты, – произнёс атлетично сложенный брюнет.

– Поверьте, – кивнул ему Николай Петрович, – врать может и вполне здоровый человек, проверено на себе, ха-ха. А возьмите детективный жанр. Разные герои говорят разное, при этом сказанное ими в единую картину мира никак не склеивается, всё это одновременно не может быть правдой, и задача в том, чтобы понять, кто из них солгал. А может быть, они все солгали или напутали, и ничего из этого никогда не было правдой. Вот это был бы детектив! Никто не желает написать такое?

Николай Петрович, улыбнувшись своей выдумке, цепким взглядом окинул аудиторию.

– Ладно, вернёмся всё-таки к Блоку. О чём, по-вашему, эти стихи?

– Пошлость и бессмысленность окружающего мира, – как по учебнику отчеканила кудрявая белокурая девушка, – не согласуются с тайными движениями его души. И поэтому всё стихотворение пропитано этим противоречием, оно наполнено какими-то иллюзиями, непонятно, что из этого есть на самом деле, а что герою только кажется...

– А чего ж непонятного? – пожал плечами Николай Петрович. – Каждый вечер мужик приходит в один и тот же кабак и напивается в зюзьку, до такой степени, что сам уже не может отличить явь от

фантазии. Обратите внимание: от начала стихотворения к концу степень опьянения нарастает (парни, если будете читать девушкам вслух – используйте этот момент), ясность и осмысленность взгляда падает, доля реальности в авторском описании быстро снижается, и сужается поле зрения. Дама в тёмной одежде за одним из столиков в том же кабаке кажется ему уже дальним берегом, хотя поначалу он отчётливо воспринимал соседние дома, улицы и звуки, идущие со стороны озера, и, кстати, в этот момент его картина мира была ещё совершенно рациональной и осмысленной. В общем, ситуация ясна, человек медленно спивается – чего тут песню разводить с какой-то моралью? Написано талантливо, круто, на внутренних ощущениях, переданных абсолютно реалистично, и каждый, кто испытывал подобные состояния, найдёт в «Незнакомке» отклик собственным впечатлениям и суждениям. Это и есть залог авторского успеха.

Николай Петрович не услышал возражений и продолжил:

– К сожалению, это стихотворение изучают в школе (он выделил голосом последнее слово), а в этом возрасте ученики в большинстве своём ещё не испытывали подобных состояний, поэтому во всех критических разборах на передний план выходят именно непонятки, иллюзии и окружающая автора пошлость. А если всмотреться в текст внимательнее, то увидим, что вся пошлость нарастает по мере опьянения, она привнесена той самой влагой терпкой и таинственной, которой накачивается лирический герой. И начинается рассогласование: вовне какая-то хрень творится, а внутри у него, видите ли, сокровище.

– Ну вы циник, Николай Петрович, – покачала головой белокурая студентка, начавшая разговор о Блоке.

– Пусть так, юная леди, но мой цинизм – это главное лекарство против иллюзий. Принимайте хотя бы раз в день по две строфы перед едой – всем советую. Кстати! Вы сами попробуйте так наливать, хотя бы разок, – ну не перед экзаменом, конечно, – так вам эта доска дальним берегом покажется. Так что все желающие могут проверить на себе: как вам ощущения?

12

Странно, почему Ира пришла на учёный совет факультета? В чём здесь её интерес?

– От кафедры Николая Петровича две заявки, – монотонным голосом сообщил Арсений Павлович. – Как обычно, коллективный проект под его руководством и индивидуальный проект, который заявила молодая сотрудница Ирина Николаевна Лунько. Кстати, она здесь присутствует и готова дать необходимые пояснения, – декан сделал неопределённое движение рукой в сторону Ирины.

– А-а-а! Вот и разгадка, зачем Ира сюда пришла, – подумал Николай Петрович и вслух сказал: – Заявка Лунько не была представлена на кафедре и не прошла надлежащей процедуры рецензирования. – Слегка пожав плечами, он продолжил: – Просто для справки говорю. И я сам этой заявки тоже не видел.

Замдекана по науке Светлана Сергеевна, почуяв, что дело пахнет керосином, сказала:

– Предлагаю эту заявку не рассматривать. Ну и что, что она представлена? Надо выяснить, что думают по поводу неё специалисты. – На последнем слове она сделала явный акцент, так что Ирина невольно передёрнула плечами.

Арсений Павлович понял, что ситуация выходит из-под контроля, но был к этому готов и вовремя вступил:

– А я предлагаю как раз ей и дать институтский грант. Да, она молодая, но мы и посмотрим на неё в деле. А то сколько ж можно – ну одних и тех же всё время поддерживаем.

Он картинно развёл руками, и Николай Петрович подумал: этот Пьеро у нас ещё попрыгает. Как там у Алексея Толстого? Мальвина сбежала в чужие края... как-то так.

Старейший из присутствовавших, 75-летний Лев Игнатьевич Кожеватов, недавно оставивший заведование кафедрой и перешедший на должность профессора, дипломатично заметил:

– Предлагаю послушать заведующего. Николай Петрович, что скажете по данной ситуации, по проекту Ирины... как вас по отчеству? Николаевны.

– Да, в общем, возражений как таковых нет, если не считать небольшого нарушения процедуры, – задумчиво, взвешивая слова, заговорил Николай Петрович. – В принципе, можно и поддержать. Но у меня один вопрос. Грант Ирины Николаевны заявлен как индивидуальный. А хватит ли у неё сил выполнить его в одиночку? Может быть, разумно дать ей в помощь более опытных сотрудников кафе-

дры? – Николай Петрович взял лёгкую паузу и продолжил: – А она пусть остаётся руководителем.

Арсений Павлович на последних словах облегчённо вздохнул, не почувствовав никакого подвоха в реплике Николая Петровича. Заведующий лабораторией когнитивной лингвистики, грузный мужчина с выдающейся вперёд лысиной, поднял голову и обратился к Ирине:

– Я бы на вашем месте согласился не раздумывая.

Ира, словно прислушиваясь к внутреннему голосу и не находя в нём опоры, пробормотала:

– Да, я согласна.

– Вот и славно, – сказала замдекана Светлана Сергеевна. – А кого дадим ей в помощь, Николай Петрович?

– Думаю, Шерешеву Лидию Николаевну, она известный специалист по композиции, по сценарному мастерству. И Анатолия Дмитриевича – всё-таки работа по Достоевскому, знаете ли, а он знаток в этом вопросе. Ну и своё скромное присутствие, как говорил Остап Сулейманович, я вам обещаю.

– Итак, – резюмировал декан, – добавляем трёх человек и рекомендуем поддержать этот проект. Нет ли возражений?

Заведующая кафедрой эстетики повернулась и, поплёскивая очками, скрипучим голосом спросила:

– Николай Петрович, вы ничего не хотите сказать в защиту ВАШЕГО проекта? – Она выделила слово «вашего», в нём была суть вопроса.

– Нет, – Николай Петрович слегка поморщился. – Стрелять бы рад – отстреливаться тошно. К тому же теперь ЭТО мой проект.

– Хорошо, – облегчённо вздохнул Арсений Павлович. – Стало быть, вопрос решён ко всеобщему удовольствию.

– Насчёт удовольствия можно слегка промахнуться, – заметил Николай Петрович.

Декан стёр улыбку с лица и перешёл к следующему вопросу.

13

Ирина лёгким движением завернулась в домашний халатик, взяла стоявшую в углу комнаты гитару, присела на диван и, подыгрывая себе, запела на мотив известной детской песни.

*Каб ты не был дураком,
 Не терпел измены,
 Не страдал депресняком,
 А пахал в две смены –
 Феи шли б к тебе толпой
 Вместо гнусной жабы,
 Не ушёл бы ты в запой –
 Кабы, кабы, кабы...
 Каб ты не был дураком
 Да мамашку выпер –
 Не ходила б я тайком,
 Не лечила триппер.
 А с тобою без затей
 Лет до ста жила бы,
 Родила б тебе детей –
 Кабы, кабы, кабы...
 Каб ты не был дураком,
 Не росла б я стервой –
 С материнским молоком
 Да с отцовской спермой.
 Не прошла бы жизнь моя
 Сквозь быстро и пабы,
 Не петляла б колея –
 Кабы, кабы, кабы...
 Не петляла б колея –
 Кабы, кабы, кабы!*

Николай Петрович заморожено слушал её.

– Мне безумно нравится твой голос. И тексты сочиняешь неплохо.

У тебя стало получаться.

– Я рада, что тебе нравится. И голос, и текст.

– Да, – отозвался Николай Петрович. – А тебе нравится, что сейчас почти два часа ночи, а я не задаю тебе вопросов о том, где ты была до сих пор.

– А какой смысл задавать? Правдивого ответа всё равно не получишь.

– Ты собираешься уйти от меня?

Ира поставила гитару на место и обернулась.

– Нет. Ты мне ещё пригодишься.

– Ну тогда иди сюда.

Ира уселась к нему на колени.

– А ещё мне нравятся твои лучистые глаза. И вот этот взгляд – хитрый, озорной, лукавый... – сказал Николай Петрович, начиная целовать Ирину.

14

– Не понимаю. – Николай Петрович нахмурился и потупил взгляд, прогуливаясь вдоль пластиковой доски, висящей на стене. – Не понимаю столь широкого, расплывчатого и, я бы сказал, столь необязательного представления о театре. Смыслы, идеи, впечатления – всё это можно почерпнуть откуда угодно. Ну прошёлся человек по улице, что-то увидел, возникли у него идеи, наглотался впечатлений. И что ж это – театр, что ли? Как вы тогда отличаете театр от выставки или концерта, например?

– Ну... можно как-то сузить это определение, – предложил грузный молодой человек в видавшем виды застиранном свитере. – Например, сказать, что театр предполагает разделение пространства, условно говоря, на сцену и зрительный зал, которые уславливаются друг с другом о правилах игры. А само пространство при этом может быть любым – театр может выплеснуться на улицу, в вагон метро, а может уместиться на кухонном столе коммунальной квартиры.

Николай Петрович чуть призадумался и сказал:

– Ну тогда поздравляю вас, вы находитесь в театре. Вот вам сцена, – он показал руками пространство у доски, вдоль которой прохаживался, – а вот, – он приподнял и раскинул руки, пытаясь как бы охватить ими наклонную поточную аудиторию, – вот зрительный зал. Правда, постановка какая-то интерактивная – в том смысле, что зрителям приходится время от времени шевелить мозгами и участвовать в разговоре, впрочем, в той мере, в какой зритель испытывает к этому желание. Но этот момент как бы входит в правила игры, о которых мы договорились, так что прошу не пенять. Кстати, во время экзамена дислокация этого перформанса будет выглядеть иначе.

Студенты заулыбались.

– Назвать театром концентрацию идей и впечатлений так же странно, как назвать песней концентрацию звуков. Не буду даже

приводить примеры на эту тему, просто сами подумайте над этим ещё раз.

– Ну допустим, для чего нам теория и история культуры – более-менее понятно, – сказала кудрявая белокурая девушка. – А всякая экономика, социология – это зачем?

В конце вопроса её голос звучал почти возмущённо, и Николай Петрович недоверчиво взглянул на неё.

– А это, представьте себе, затем, чтобы вы могли узнавать социальные типы своих персонажей, с которыми имеете дело. Если написано правдиво, то социальные типы совершенно понятны. Возьмите многотомный сериал Золя про Ругон-Маккаров – это же энциклопедия социальных слоёв Франции в соответствующую эпоху. А смотрите, наши «Мёртвые души». Разве не интересно видеть и понимать, что всякие Маниловы и Плюшкины – это порождение натурального хозяйства? И совсем другое дело – Собакевич, заменивший барщину (ни много ни мало) денежным оброком! Ведь он своих крепостных отправлял в город торговать, и оброк они ему платили деньгами. Здесь товарность хозяйства уже очень высока, а сам помещик, если так можно сказать, – носитель новых социальных идей. Кстати, а кто вообще понял, зачем Чичикову нужны эти мёртвые души?

– Ну... насколько я помню, – отозвался рыжеволосый веснушчатый юноша, – в то время чем больше за тобой записано крепостных, тем более ты уважаемый человек, тем охотнее тебя принимают в знатных домах. Ну и так далее.

– Так он прикола ради, что ли, души скупал по всей стране? – спросил Николай Петрович. – Чтобы щёки погромче надувать? Нет, дорогие мои, Чичиков – мошенник, у него чисто материальный интерес. В то время был создан Земельный банк, который давал кредиты помещикам на обустройство своего хозяйства. И чем больше у тебя крепостных душ, тем больше сумма кредита, на которую можешь претендовать, – потому что больше сумма залога. Купит он мёртвые души, которые пока числятся живыми, возьмёт под них кредит, отправит их якобы на поселение. Например, в Таврическую губернию, где в тот момент было много необжитых земель. А потом постепенно, в несколько лет, по ревизским сказкам (то есть по ежегодной отчётности) их спишет, покажет их как мёртвых. Ну или как беглых: кто хочет – ищите на здоровье. Вот и всё. Залог испарился, деньги остались при нём. Понятно?

– Да, любопытно, – откликнулась остроносая брюнетка в очках. – А если изучаешь или пишешь фантастику какую-нибудь? Тоже нужны социальные типы?

– Ну, если какую-нибудь, то, разумеется, никакие типы не нужны, – улыбнулся Николай Петрович. – А хорошо написанная фантастика – это всегда слепок с того общества, в котором она возникла. Возьмите того же Гарри Поттера. Почему этот герой так популярен и любим, причём не только подростками, для которых писала Джоан Роулинг, но и взрослыми? Да потому что это стопроцентное попадание в социальный тип героя нашего времени. Современный герой – это не качок с бритым затылком и золотой цепью в палец толщиной. Это вот такой мальчишка-ботаник, который без связей, без денег, без знатной родни уезжает учиться тому, к чему лежит душа, и прокладывает себе дорогу в жизни – своим умом и прекрасными человеческими качествами: смелость, доброта, верность дружбе, готовность прийти на помощь, чувство справедливости и т.д. Если убрать налёт волшебства, которым пронизаны истории о Гарри Поттере, то социальный тип этого человека легко узнаваем. Такие люди на самом деле были всегда (Михайло Ломоносов, например), но сейчас их становится больше, и они в некотором смысле более востребованы.

– Да, это интересно, – покачал головой брутальный красавец с хрипловатым голосом. – А во всяких критических разборах написано, что этот герой нравится людям слегка инфантильным, в основном девушкам, обитающим в каких-то придуманных мирах – принцессы, кентавры, единороги, воздушные замки...

– Видите, это ещё раз подтверждает, что литературная критика живёт своей жизнью, а голову на плечах надо иметь всё равно. Социальные процессы (и социальные технологии, кстати) никто не отменял, и литература даёт о них иногда более точное и правильное представление, чем учебники социологии. Будь моя воля, открыл бы Государственный литературный институт социальных технологий. Сокращенно – ГЛИСТ.

Студенты слегка посмеялись.

– Вообще, для того чтобы понять мотивы героев, нужно более-менее знать контекст эпохи и страны. Если хотите разобраться, что происходит, – ищите мотивы. Кстати, не только литературы это касается.

– А в детективах это наверняка пригодится, – улыбнулся белокуроый студент с короткой стрижкой.

– Разумеется, – отозвался Николай Петрович. – Если герой убит пулей 45-го калибра из кольта, то надо искать убийцу. А если он убит стрелой индейца, то понятно, что виноваты кровожадные аборигены – чего их искать? Да и мотивы у них самые низменные, на этом приличного сюжета не построишь. Поэтому, если хотите убить человека (даже при том, что на дворе апрель 2006 года и вы находитесь в центре Ливерпуля), – лучше возьмите стрелу индейца: меньше шансов, что это дело будет хоть кому-то интересно.

– Не поняла, – сказала белокурая девушка. – Вы нам предлагаете сочинять детективы, читать их или в них жить?

– Конечно, жить в них! «Белоснежка и семь трупов» – это не про вас?

Студенты дружно засмеялись, и Николай Петрович продолжил.

– Как сказал Достоевский, человек всю жизнь не живёт, а сочиняет себя, самосочиняется. Так что если уж сочиняете себя, то хотя бы постарайтесь, чтобы читать это было интересно. И, кстати, это можно сделать в любом жанре – детектив ли это, фэнтези или эротический триллер «Колобок».

– Прикольнo, – сказал светловолосый студент с короткой стрижкой. – В учебниках всё обычно по-другому трактуется, как-то перпендикулярно тому, что вы говорите.

– Дорогие мои! – отозвался Николай Петрович. – Я уже говорил вам: литературу нельзя выучить по учебникам литературы. Так же как философии нельзя научиться, читая учебники философии. Нужно читать оригинальные тексты, написанные умными людьми, и над ними думать. Жизни вообще нельзя научиться по учебникам, запомните это! Живите своей жизнью и думайте, другого пути нет.

Он оглядел аудиторию и продолжил.

– Кстати, вы обратили внимание, что первые пару лекций мы вообще почти не говорили о литературе, а всё больше за жизнь?

Слушатели закивали головами и что-то промычали в ответ.

– А знаете, почему так? У меня была другая задача – взять большую кувалду и раздолбать в пыль ваши представления о жизни. Когда это получилось, вы наконец начали думать головой и как-то достраивать сильно повреждённую мной картину мира, вместо

того чтобы искать в учебниках готовые ответы, как некоторые из вас привыкли делать. А уж потом пошли разговоры о предмете. И в этом состоянии, в котором многие из вас сейчас находятся, уже не нужны дешёвые подсказки, вы обойдётесь без готовых ответов, вы уже сами подскажите ответ кому угодно. И я сейчас говорю не только о литературе.

15

Когда Ира вошла в аудиторию, Николай Петрович уже начал принимать. Перед ним сидел рыжий веснушчатый студент и напряжённо пытался что-то сообразить. Ира, стараясь никому не помешать своим приходом, тихонько подседа к торцу стола, за которым сидел Николай Петрович. Он повторил вопрос:

– Так для чего Бомарше в «Женитьбе Фигаро» нужен Базиль?

– Ну... – студент снова наморщил лоб. – Насколько я помню, он по сюжету, в общем-то, ничего особого не делает, просто собирает сплетни и разносит.

– Вот-вот, – улыбнулся Николай Петрович. – Так для чего автору нужен в этом сюжете сплетник и проныра?

– Ну не знаю... как-то трудно проникнуть в замысел автора.

Николай Петрович повернул голову и исподлобья посмотрел на несчастного студента:

– Вы не поверите, но мне не интересно, что думал об этом сам Бомарше. Мне интересно, что думаете об этом вы, сегодня, в двадцать первом веке. Кстати, подсказка: этого персонажа автор перетащил из «Севильского цирюльника».

Студент понимал, что у него шансов нет, и тупо молчал.

– Ладно, – примирительно сказал Николай Петрович. – Между прочим, у Бомарше говорящая фамилия. «Буа марше» значит «идите лесом». Так что следуйте назначенным курсом, коллега.

– В смысле? – не понял рыжий.

– На пересдачу, – пожав плечами, безразличным тоном сказал Николай Петрович.

– Может, ещё что-нибудь спросите?

– Нет, на сегодня хватит. Next case. И не забудьте подумать, для чего автору нужен Базиль в «Женитьбе Фигаро», в следующий раз с этого начнём.

Следующим был мускулистый красавец, у которого, вдобавок к внешним достоинствам, был ещё и слегка хрипловатый голос, способный сводить женщин с ума. По крайней мере, Ире в тот момент казалось именно так.

Николай Петрович не спеша взял в руки его билет.

– Так, Игорь Алексеевич. У вас Набоков. Что можете сказать о композиции его произведений, написанных на русском языке?

– Ну... – протянул накачанный брюнет, явно выдерживая театральную паузу. – Я бы остановился на его стихотворении «Лилит», которому посвящено столько критических разборов, что даже краткий их обзор отнял бы весь остаток сегодняшнего дня.

Николай Петрович слегка улыбнулся одними углами губ.

– Вы хотите что-то добавить к этим разборам?

– Да, вообще-то я с большинством из них не согласен. Многие комментаторы пишут о том, что Набоков воплотил свои комплексы, зачисляя его в педофилы и так далее, но я думаю, что смысл этого стихотворения совершенно в другом.

Он снова выдерживал паузу, но Николай Петрович не прерывал его, давая возможность построить связную логическую нить так, как сам Игорь её себе представляет.

– Я думаю, что адская мука неутолённого желания является первым серьёзным испытанием в жизни мужчины. Она просто хронологически первая. И персонаж, от лица которого ведётся повествование, попадая в ад, первой её и испытывает – это же логично. И поначалу это всегда влечение к молодой девочке – однокласснице, соседке, может быть, сестре.

– Может быть... – неспешно сказал Николай Петрович. – Но статистика показывает, что определённая (и не такая уж маленькая) часть молодых людей испытывает первое влечение к женщинам более старшим по возрасту. Это как-то не согласуется с возрастом главного героя и его Лилит.

Студент ничуть не смутился этим возражением и продолжал:

– Даже когда молодой человек смотрит на женщину немного старше себя, он всё равно видит в ней маленькую девочку – беззащитную, ранимую, влюбчивую...

Красавец-брюнет внезапно повернул голову в сторону Иры и пристально посмотрел на неё томными глазами:

– Вы меня понимаете?

– Я – как никто просто, – сказал себе под нос Николай Петрович. Студент смутился и потупил взгляд, не дождавшись реакции Ирины Николаевны.

Игорь, разумеется, успешно сдал экзамен, а через день Николай Петрович случайно увидел, как Ира садилась вместе с ним в его белый фольксваген.

16

– Джей, почему ты поставил Игорю незачёт по практике?

– Так он не сдал отчёта, потому и незачёт. У меня таких ещё трое, так что не парься.

– Нет, ты отомстил именно ему.

– Оставь свою паранойю, сколько можно тебя от неё лечить?

– Джей, я была о тебе более высокого мнения.

– Правда? Зато я насчёт тебя никогда не заблуждался.

Ира постепенно закипала.

– По крайней мере, я никогда не сводила счёты с твоими любовницами.

– Да не трынди!

– Что?! – Ира почти задохнулась от неожиданного хамства.

– Я говорю: да неужели? – сказал Николай Петрович максимально спокойным тоном, на какой в тот момент был способен.

Она покраснела до корней волос и опустила взгляд. Николай Петрович назидательно произнёс:

– Не бери на себя чужие печали, это верный путь к инфаркту.

– Почему? – пристально посмотрев на него, спросила Ирина.

– Потому что когда это твоя проблема, ты собралась и действуешь, а когда чужая – ты ничего сделать не можешь, только испытываешь эмоции и их выплёскиваешь, – спокойно сказал Николай Петрович.

– Так что ж теперь – и эмоций не испытывать? Из опасений, что случится инфаркт?

Николай Петрович, улыбнувшись, потрепал её по холке, зацепив пальцами гриву её раскидистых тёмно-русых волос.

– Ладно, пойдём, спую тебе колыбельную.

Она улыбнулась, слегка склонив голову набок:

– Старый ты колыбель.

Входя, Ира увидела, что Николай Петрович сидит в преподавательской совершенно один и задумчиво перебирает бумажки.

– Ты чего такой хмурый? Случилось что-нибудь?

– Втык от декана получил.

– За что?

– За то, что экзамен принимаю не по тестам, а по старинке. Есть циркуляр Минобра, который обязывает нас перейти на тестовую форму контроля знаний, а он, Арсений, должен за этим проследить.

– И что ты будешь делать?

– Ну, я обещал ему подготовить тесты к следующему разу, когда буду принимать экзамен по этой дисциплине, а это будет через полгода. Хотя на самом деле циркуляр Минобра – по большому счёту хамство и вредительство, направленное на дебилизацию студентов, но мы не можем сделать вид, что этого указания нет.

– Ну и ладно, сделаешь тесты, не огорчайся. Подумаешь – циркуляр. Как говорят в народе, один раз – не Минообраз.

– А я огорчён не разносом, а тем, что он узнал об этом от тебя. О том, что я работаю без всяких тестов.

Ирина раскрыла пошире глаза и помотала головой:

– Не может быть...

– Да знаю, ты не хотела. Просто ты была с ним слишком откровенна в отдельные моменты, а его задача – грамотно это использовать.

Они оба замолчали.

– А он сам тебе сказал, что узнал от меня?

– Радость моя, какая разница, что он мне сказал? Ты сдала меня с потрохами, и точка. Ты ждёшь от меня каких-то объяснений? Вообще сюр какой-то.

– А ты обернись ясным коконом и сделай вид, что этого не заметил.

Николай Петрович покачал головой:

– Скажи это своему Арсенипальчу, хед ему в шолдерз! Пусть лучше он чего-нибудь не заметит, а я продолжу работать так, как считаю правильным.

Николай Петрович замолчал.

– Джей, ну скажи что-нибудь про этот сюр.

– Например?

– Ну хотя бы «сюр твою мать!»

– Это банально. Если бы я не сюр твою мать двадцать пять лет назад, ты бы не появилась на свет.

– Двадцать шесть лет назад.

– Хорошо, двадцать шесть.

– Какой-то ты хмурый сегодня, – улыбнувшись, сказала Ирина. – Поехали лучше домой, там от тебя больше проку.

18

– О чём ты сейчас думаешь? – весёлым голосом спросила Ирина у Николая Петровича, который полулежал на кушетке, слегка невпопад перебирая гитарные струны.

Николай Петрович запел, подыгрывая себе на гитаре:

*За что же крокодила
Супруга так любила?
За то, что был
Он тоже крокодил.
Но ей жилось несладко,
И для меня загадка –
Зачем она
Была ему верна?*

– Впервые слышу такие слова у этой песни. Ты сам придумал?

– Нет, этим словам уже век от роду, это одна из версий финала знаменитой песни. Но ответа на прозвучавшую загадку народная молва не даёт.

– О чём ты задумался?

– Твой прыщ на белом коне в курилке делился впечатлениями о том, как он тебя жарил.

– Ну допустим, – Ира перестала улыбаться и собрала в кулак всё своё самообладание. – И что из этого?

– Ну, пришлось ему объяснить, что настоящий мужик, если он кого-то полирует, никогда в этом не признается, потому как незачем: ему это не нужно для самоутверждения. И только малолетки, выдающие свои дурацкие мечтания за реальность, хвалятся друг перед другом своими мнимыми победами и делают вид, что друг другу верят.

Ира закрыла лицо руками.

– Да ладно, пошутил я.

– В смысле? – она оторвала ладони от влажных глаз.

– Ничего не говорил твой Игорёк, это я тебя купил.

Ира с недоверием посмотрела на него.

– Я никак не могу понять, когда ты просто шутишь, когда нагло врёшь, а когда говоришь правду.

– А я и сам не всегда это понимаю, – оскалил зубы Николай Петрович. – Просто есть разные версии правды, выбирай. Какая из них тебе нравится, в той и живи.

– Джей, знаешь как я устала от твоих приколов? – Ира раскинула руки в стороны.

– И знать не хочу, – бодро ответил Николай Петрович. – Сегодня жалобы на жизнь раньше пяти вечера не принимаются.

– А после пяти?

– А после пяти пишешь мне петицию, после шести – шестичию, потом седмицию, ну и так далее, ты в курсе.

Ирина улыбнулась широкой белозубой улыбкой.

– Джей, ты безнадёжный придурок.

– Неправда! – Николай Петрович покачал головой, начиная медленно раздевать Ирину. – Я очень надёжный придурок, который всегда подставит плечо и прочие части тела и сделает для тебя всё, что нужно. Но ЭТА опция, – он двумя руками показал себе между ног, – только для близких людей.

19

Декан повстречал Николая Петровича в коридоре, когда тот уже собирался уходить.

– Николай Петрович, у меня к вам вопрос насчёт сокращения штатов.

– Слушаю вас, Арсений Павлович.

– У вас вылетает целая ставка на следующий год, почему так?

– Нагрузка снизилась, меньше стало заочников, плюс два года назад набрали на одну группу меньше, а у нас ведь выпускающая кафедра, так что выпускаем мы меньше студентов, чем в прошлые годы.

– Ну да... А почему именно Ирину Николаевну готовим под сокращение?

– Последней пришла – первой уходит.

Николай Петрович пожал плечами, как будто это было очевидное решение, не требующее дополнительных объяснений.

– Ну может быть, стоит дать дорогу молодым? – не унимался Арсений Павлович. – Или вы не связываете с ней перспективы развития вашей кафедры?

– Пока что она мало чем себя проявила. И потом – не выгонять же заслуженных преподавателей со степенью из-за того, что нужно кому-то уступить дорогу.

– Насколько я помню, Николай Петрович, Ирина Николаевна утверждена руководителем внутреннего гранта по нашему факультету.

– Насколько я помню, Арсений Палыч, в этом гранте (в том виде, в котором состав его исполнителей утверждён ректором) сидят ещё три человека. Так что справимся, Бог даст. Как написано в одной умной книге, есть время разбрасывать кадры и время собирать кадры.

При этих словах Николай Петрович мило улыбнулся и продолжил:

– А Ирину Николаевну можно привлечь внештатно. Да и работать может на почасовке, если нагрузка найдётся. Так что пока сокращаем, а где-нибудь в октябре можно вернуться к этому вопросу.

Арсений Палыч здраво рассудил, что спасти Ирину от её собственного заведующего кафедрой не представляется возможным, коль скоро он решил с ней расстаться. И если он, Арсений, будет упорствовать, Николай Петрович может зайти к проректору по учебной работе и мимоходом (нет-нет, не специально, а в ходе обсуждения других многочисленных дел!) поставить его в известность о противодействии декана и его странной, предвзятой позиции в отношении молодой сотрудницы, интересы которой он так неуместно лоббирует.

Через неделю вышел приказ об увольнении Луныко Ирины Николаевны с 15 июля по соглашению сторон.

20

Ты знаешь, у этой восточной притчи два разных финала.

Финал номер один:

И работал он мэром долго и счастливо под началом своего друга-губернатора.

Финал номер два:

– Ну ладно, – сказал купец. – Заболтался я тут с тобой, а меня там овцы ждут. И, представь себе, в мои годы двести овец – многовато, трудно с ними управляться. Прикажи разделить отару, чтоб у меня было сто, как раньше.

И во дворец к своему другу он больше не ходил.

21

Рассоединившись, они лежали рядом, почти не касаясь друг друга, насколько это было возможно на его не слишком широкой кровати. Ира первой нарушила молчание:

- Ты не обижаешься на меня?
- Ты собираешься компенсировать мне моральный ущерб?
- А ты чувствуешь себя потерпевшим?
- А ты ЭТОГО добивалась?
- Ты всегда отвечаешь на вопрос вопросом?
- Тебя это оскорбляет?

Посмотрев друг на друга, они оба одновременно рассмеялись.

Ира приподнялась на постели, опираясь на локоть, и взглянула в глаза Николаю Петровичу.

- Мне ещё многому нужно у тебя научиться.
- Учись, кто тебе мешает.

– Я хочу работать с тобой в этом проекте. Вдвоём. Только ты и я.

Николай Петрович молчит и поднимает на неё глаза. После недолгой паузы он замечает:

- Ты будешь рассказывать мне, что делать и как писать эту книгу.

Ира быстро ответила:

– Да, – и, немного прищурившись, улыбнулась. – И поверь, это будет твоя лучшая книга. Я обещаю.

Джей с теплотой посмотрел на неё и погладил Иру по волосам.

- Ты ненормальная.

– Конечно, – усмехнулась Ира. – Так же, как и ты. Именно поэтому нам удаётся то, что у нормальных никогда не получится.

Ирина взяла руку Джейа и положила себе на грудь.

- Не отпускай меня, Джей. Не отпускай меня никогда.

И, помолчав, добавила:

- Я хочу тебя снова.

ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ

Дорогая Снежана Константиновна!

В коридоре кардиохирургического отделения хрупкая санитарка Тонечка встретила шедшую к старшей сестре заведующую хозяйством Полину Ивановну.

Они поздоровались, а в это время из палаты, располагавшейся в глубине коридора, вывезли на каталке укрытого простынёй пациента и повезли к дальнему лифту, на котором подготовленных больных подавали вниз, в операционное отделение.

– Ой, Тоня, смотри. Это ведь твоего повезли.

– Кого? Евгения Владимировича?

– Да, Соколова. Ты же про него рассказывала? Интересно, а почему сегодня? – участливо поинтересовалась Полина.

– Не знаю, наверное, недельный план операций переделали.

– Тонь, ты прибери палату, пожалуйста, потщательнее. Больно мужик хороший – внимательный, вежливый, да к тому же доктор, – ласково попросила Полина.

Поляков Василий Евгеньевич родился в Москве 4 июля 1938 г. Доктор медицинских наук, профессор, врач высшей категории, Почётный донор СССР. Академик Международной академии информатизации ООН и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Автор свыше 700 печатных научных работ, в том числе 15 монографий, 2 авторских свидетельств, 1 товарного знака, 9 рационализаторских предложений. Издал 8 книг художественной прозы и стихов.

Медицинские сёстры и санитарки этого отделения подобрались в одну дружную команду, причём большинство составляли явно симпатичные женщины в возрасте от двадцати пяти до сорока пяти, но выглядели они старше своих лет. Почти все они уже успели побывать замужем, имели детей (чаще одного, очень редко – двух), но были либо разведёнками, либо на грани развода. А причины были сходными: вечная нехватка денег в семье, очень стеснённые условия быта и такое безрадостное ощущение безысходности от того, что молодость проходит, жизнь пролетает мимо, а надежд на её поворот в лучшую сторону никаких.

А вот на работе они с удовольствием участвовали в большом и важном деле и гордились им. Не избалованные чуткостью, лаской женщины с готовностью и радостью откликались на уважительное отношение к себе, вовремя сказанный комплимент, внимательное и доверительное отношение интеллигентных мужчин.

Отделение всего месяц назад отремонтировали, оно было хорошо оборудованным и комфортным, Семь боксов были одноместными и только четыре – двухместными. К описываемому моменту больными были заняты лишь пять индивидуальных одноместных.

Поскольку все пятеро больных были мужчинами лет сорока пяти – пятидесяти пяти, истосковавшиеся женские сердца наблюдали за ними очень внимательно. Самые важные и интересные моменты обсуждались коллективно за столом в комнате персонала, когда женщины за закрытыми дверями могли чуть отдохнуть, поесть, попить чаю и побаловать себя сладостями. Как раз во время чаепития происходили самые доверительные разговоры и сообщения, кто из больных и каким деликатным способом проявил внимание к процедурной, постовой, старшей медсестре или сестре-хозяйке, а иногда и санитарке. Понравившемуся мужчине, отмеченному прилюдным обсуждением внимания с его стороны, само собой, приклеивался ярлык «твой», а рассказавшая эпизод ощущала себя среди подруг победительницей, ещё сохранившей лучшие качества в виде шарма и притягательности.

Так в своё время и санитарка Тоня получила ярлычок за рассказ о добром отношении к ней пациента, которого сегодня повезли в операционную. Тоне хотелось сделать приятное больному и хорошо выполнить поручение своего непосредственного начальника. Она быстро произвела уборку, протёрла места, где пыль почему-то всег-

да любила оседать и собираться, выбросила из корзины бумажки и ватки, хорошо отдраила туалет, душевую и раковину.

Открыв двери шкафа, предназначенного для одежды, белья, полотенец и салфеток, она под тёмно-синим пластиковым пакетом с индивидуальными медикаментами рассмотрела средних размеров коричневый почтовый конверт и стопку исписанной бумаги. Конверт был не заклеен. На нём было написано: Олениной Снежане Константиновне. Вид конверта и надпись на нём соответствовали служебной переписке и говорили только о том, что в него предполагалось вложить письмо, статью или какой-то служебный материал, предназначенный коллеге.

Сдвинув конверт, на первом листе бумаги Тонечка прочла:

«Дорогая Снежана Константиновна!

Милая, прекрасная Снежинка!»

Сердце Тонечки дрогнуло. Это он, её больной, к которому у неё совсем недавно неожиданно, вдруг, вспыхнула какая-то неопишуемая женская симпатия, желание помогать, защищать, оберегать, как своего родного и близкого человека, – это он писал незнакомой ей посторонней женщине. Как же он мог? Неужели он ничего не увидел и не почувствовал?

Тонечка вскочила, подбежала к двери бокса и заперла её на ключ, как делала всегда при самой тщательной генеральной уборке. Смолоду терпеть не могла посторонних мужских и женских взглядов, когда требовалось нагибаться, елозить шваброй, выжимать руками грязную мокрую тряпку, а ещё хуже – «ползать на карачках», как это называлось у неё в деревне. Но сейчас она думала не об уборке. Какая-то необъяснимая женская тревога прокралась в её душу. Но ум работал чётко и без сбоев. Она знала, что у неё есть время, и она хотела знать всю правду.

«Наступает ещё один Новый год – самый тёплый семейный и одновременно сказочный праздник. Ждётся только хороших и приятных перемен – как бы это ни звучало очень по-детски.

Теперь, когда мы пережили столько драматических перемен и невосполнимых потерь, очень бережётся в памяти дорогие воспоминания, которые греют душу.

Вот в памяти всплывает конференция больницы, на которой на сцену вызвали Снежану Константиновну Оленину, говорили ей что-то приятное, вероятно, хвалили, а она скромно улыбалась, опустив

очи долу, и грациозно присела, изобразив изысканный великосветский книксен. И академик Бабочкин не мог отказать себе в удовольствии поцеловать сначала тыл кисти изысканной дамы, а потом и разругавшиеся щёки красавицы.

Мужчины детских отделений вздыхали и жалели, что не входят в состав главного корпуса и его диагностической лаборатории, куда имели право входить (хоть ежедневно!) мужчины-сотрудники всех отделений (кроме детских!).

Однако судьба смиростивилась. Дорога от метро к больничной проходной и изредка от проходной к метро познакомила и детских врачей со Снежаной Константиновной и при неожиданной, но всякий раз приятной встрече дарила минуты такого приятного общения. Тогда рабочий день был заряжен приподнятым настроением и ощущением, что ты нужный человек и что-то можешь сделать так, чтобы больным и их близким было хорошо.

А в один прекрасный день на обходе в отделении и профессор Лукерья Алексеевна Папонова и заведующая лабораторией детского корпуса Инна Степановна Иогансон сообщили совершенно неожиданную новость: к нам приходит работать очень знающий специалист, да к тому же красивая и обаятельная женщина. Она прежде работала во "взрослой" лаборатории, а теперь её научный и практический интерес переместился в сторону детства. Около недели-двух известие витало в воздухе, но продолжения не было.

И всё-таки настал момент, когда на обход в отделение вместе с Иогансон пришла она – сияющая, ослепительно красивая, скромная, деликатная. И ещё очень органично к её внешности подходил грудной, особенный голос с очень музыкальным по сути произнесением фраз. Он завораживал. А когда она смеялась удачной шутке, разоблачению фальши ситуации и ещё каким-нибудь весёлым событиям, её смех звучал как серебряный колокольчик, и казалось, что помещение наполнили солнечные зайчики.

Стало хорошей традицией раз в неделю проводить профессорский обход в отделении с приглашением сотрудничающих служб, и, конечно, лабораторная служба с гордостью несла на нём своё почётное послушание. Логика обхода концентрировала профессиональное мышление, но каждый случайный взгляд, брошенный в сторону Снежаны Константиновны... Как бы точнее выразиться?

Снежана была настолько проста, естественна и обезоруживающе прекрасна, что взгляд, вопреки всем светским приличиям, был прикован к ней. Не прилагая никаких искусственных усилий, эта женщина брала вас в плен. Завораживала. И, конечно, радость увидеть её на обходе снова и снова превращала приближение обхода в ожидание праздника встречи с прекрасным.

Но почему-то настал такой момент, когда в течение длительного времени (недель трёх, а может быть, и месяца) ни Инна Степановна, ни Снежана Константиновна на обход не приходили

“Может быть, мы ненароком чем-то обидели этих женщин?” – пришло в голову не только мне.

А тут после окончания обхода кто-то из матерей наших больных детей так вовремя преподнёс мне розу на длинной ножке, но ещё с головкой нераспустившегося бутона. У меня возникло непреодолимое желание сию же минуту спуститься в лабораторию.

Как же я был счастлив, что в кабинете вы оказались в полном одиночестве, рассматривая в микроскоп какую-то важную кровяную клетку. При моём появлении вы вскинули глаза, я протянул розу. Вы аккуратно, но с явным удовольствием принялись и слегка улыбнулись уголками рта.

– Это вам, – произнёс я и пулей выскочил из кабинета в страшном смущении, хотя успел заметить, что ваши щёки украсил нежный-нежный румянец.

Ещё через несколько дней я забежал в лабораторию, чтобы уточнить, готов ли анализ одного из моих подопечных больных. А в это время все дамы лаборатории сидели за маленьким квадратным столом, покрытым белой скатертью, и, что называется, «перекусывали». Всё было сообща, по-домашнему, даже по-семейному. Конечно, гостеприимные хозяйки сразу же пригласили к столу, спрашивая, что я предпочитаю: чай или кофе? К сожалению, пришлось отказаться, так как нужно было срочно бежать в процедурную для введения детям назначенных лекарств.

Вы поразили меня тем, что очень по-девичьи запустили чайную ложку в стоящую перед вами банку с домашним вареньем и лихо отправили её к себе в рот, а потом, зажав ложку в правом углу рта, аппетитно и вкусно стали вылизывать языком её содержимое, наглядно демонстрируя, что я по-мальчишески глупо отказываю себе в таком замечательном удовольствии, как есть варенье в неограниченном

количестве прямо из банки. При этом ваш взгляд одновременно выражал удовольствие девчонки-сладкоежки, дорвавшейся до варенья, и некоторую иронию над мужчиной, который неосмотрительно отказывается, потому что в этом случае “нам больше достанется”. Ах, если бы рядом не было ваших соседа, я бы за одну бесшабашную искренность расцеловал вас с удовольствием!

А ещё я помню, как большой бригадой нас вывезли в подмосковный дом отдыха какого-то крупного министерства для проведения заседания Выездной проблемной комиссии. Заседали долго и, конечно, устали.

А потом была замечательная звёздная зимняя ночь, и вы с Инной Степановной пригласили меня на прогулку. И именно тогда я впервые имел счастье взять вас под руку и ощутить через мохнатую шубу соприкасающееся со мной ваше гибкое доверчивое тело. Мне было так хорошо и спокойно, и я бы шёл и шёл с вами долго-долго, бесконечно...

...Прошу прощения. За дверью палаты я слышу тихий шелест приближающейся коляски. Вероятно, это за мной.

Храни вас Бог! Мечтаю снова увидеть вас.

А если что, не поминайте лихом...

Да, это за мной. Прощайте...»

...Закрывшись в боксе, Тоня проплакала восемь с половиной часов.

И когда она услышала стук в закрытую дверь и голос Полины Ивановны: «Тоня, ты здесь? Открывай скорее, принимай своего Соколова – настоящий сокол!» – слёзы прекратили литься сами собой, и её лицо озарилось неподдельным счастьем.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Вилен Иванов.....	7
Анатолий Коротков	10
Владимир Миркин	18
Василий Мурзин	21
Анатолий Суслов	23
Валерий Тёркин.....	32
Идалия Шевцова-Урсатий	35
Нина Ярнова	37

Проза

Мargarита Азарова	41
Сергей Бусахин.....	43
Инна Дёмина	51
Марк Казарновский	63
Александр Махнёв.....	74
Нина Назарова	82
Роберт Нижегородцев	87
Василий Поляков.....	122